

63.3(2)

К 14

63.3(2)/45

К 14

Н. Казакова
И. Шаскольский

У С Ъ

и

Прибалтика

(IX - XVII вв.)

ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ 1945

9 (с) 13
К-М

Н. КАЗАКОВА и И. ШАСКОЛЬСКИЙ

Изд. Л

РУСЬ И ПРИБАЛТИКА

(IX—XVII вв.)

С. С. Стерев

~~Проверено~~

Библиотечная запись

№ 174

7424

97

ОГИЗ . ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД . 1952

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина

ЕЗ 3(2) +
К14

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Русь и Прибалтика в IX—XI веках	3
II. Полоцкие князья на Двине. Взаимоотношения Новгорода с эстами в XI—XII веках	11
III. Завоевание Прибалтики немцами и борьба при- балтийских и русского народов против немецкой агрессии	22
IV. Великое эстонское восстание 1343 года	53
V. Ливонская война	69
VI. Возвращение Прибалтики Петром I	100
Заключение	114

ОГИЗ. Госполитиздат. Ленинград. 1945 г.

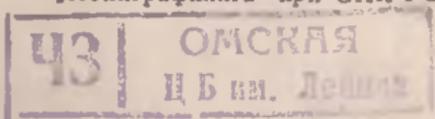
Редактор *Н. Гессен*

Техред. *А. Хрош*

Подписано к печати 12/VI 1945 г.
42 240 тип. зн. в 1 п. л.
М 2359

4 п. л. 4,02 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 241. Цена 3 руб.

2-я типография „Печатный Двор“ имени А. М. Горького треста
„Полиграфкнига“ при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

I. РУСЬ И ПРИБАЛТИКА В IX — XI ВЕКАХ

Исторические судьбы народов Прибалтики с древнейших времён тесно связаны с судьбами великого русского народа. Ближайшие соседи на равнине Восточной Европы, русский и прибалтийские народы не имеют между своими территориями сколько-нибудь серьёзных естественных границ. Земли эстонского и латвийского народов, являющиеся приморской окраиной восточноевропейской равнины, имели огромное значение для русской государственности с первых шагов её существования: через эти земли пролегли важнейшие торговые пути в Балтийское море и Западную Европу. Благодаря близкому соседству и торговле, проходившей через Прибалтику, рано возникают политические и культурные связи, которые втянули прибалтийские народы в состав русской государственности и положили начало исторической дружбе трёх народов, не прерывавшейся, несмотря на тягчай-

шие испытания, с незапамятных времён до сегодняшнего дня. Трижды немецкое вторжение пыталось оторвать Прибалтику от России (XIII век, 1918 год, 1941 год), но борьба против немцев, напротив, укрепляла дружественные узы, связывающие русский и прибалтийские народы.

Тысячу лет назад русский, эстонский и латвийский народы совместно начали свой исторический путь.

Восточная Прибалтика издавна была населена племенами, принадлежавшими к двум различным семействам — финскому и литовскому. Всю северную и среднюю полосу её занимали народы финской группы, известные у западноевропейских писателей под именем «эстов» (восточных). Южную полосу Прибалтийского края заселяли племена литво-латышские: семигаллы, селы, летты и леттгаллы, жившие по среднему течению Западной Двины. Благодаря тесному соприкосновению финских и литво-латышских племён ещё в глубокой древности возникли народности смешанной крови: это были куроны, занимавшие Куронский полуостров, и ливы, обитавшие по нижнему течению Западной Двины и берегам Рижского залива¹. По имени ливов, с которыми раньше, чем с другими прибалтийскими племенами,

---

¹ В результате слияния всех этих племён (семигаллов, селов, леттгаллов, леттов, ливов и частично куронов) образовался современный латвийский народ, причём основное ядро его составили летты (латыши).

нами, познакомились европейцы, восточная Прибалтика в средние века носила название Ливонии.

К востоку от территории, занятой прибалтийскими народами, жили восточные славяне: кривичи полоцкие были соседями литво-латышских племён, новгородские славяне — эстов. Русские летописцы хорошо знали своих западных соседей: эсты фигурируют в летописях под именем чуди, леттгаллы под именем летьголы, семигаллы — зимеголы, ливы — либи, куроны — корси. В силу территориальной близости между прибалтийскими народами и восточными славянами издавна существовали торговые и политические сношения. Эти сношения на первых порах сводились к обмену излишками продуктов, взаимным набегам и столкновениям, а иногда к союзам для борьбы против общих врагов. В дальнейшем условия исторического развития способствовали возникновению более тесных уз между прибалтийскими и восточнославянскими племенами.

Благодаря своему географическому положению народы Прибалтики и восточные славяне рано оказались втянутыми в торговые связи, существовавшие в VIII—XII веках между северо-западом Европы и странами арабского востока и Византией. Из Скандинавии в богатые арабские страны, славившиеся своими шелками, искусно выделанными клинками и прочим оружи-

ем, шёл путь по Финскому заливу, Неве, Волхову, Мсте и далее по Волге и Каспийскому морю. В Византию вёл путь «из варяг в греки», который начинался в Финском заливе и затем шёл по Неве, Волхову, Ловати, Днепру в Чёрное море. Другое ответвление пути «из варяг в греки» проходило из Рижского залива по Западной Двине и далее по Днепру и Чёрному морю. По этим путям, в поисках лёгкой наживы и выгодной службы, устремлялись на «восток» дружины «варягов» — скандинавов, смелых искателей приключений, соединявших в своём лице воинов, купцов и пиратов.

Скандинавские саги (сказания), рунные надписи, вырезанные на камнях в честь павших героев, повествуют о походах скандинавов в Восточную Прибалтику и славянские земли, о богатой дани, собранной там с местного населения. В те далёкие времена славянам и народам Прибалтики одинаково приходилось страдать от нападений скандинавов и бороться против смелых и предприимчивых пришельцев.

Об общности исторических судеб славян и их прибалтийских соседей говорит наша древняя летопись, которая сообщает о том, что в половине IX века чудь, новгородские славяне и кривичи были покорены варягами и принуждены выплачивать им дань. Но народы Восточной Европы не долго терпели иноземное иго. Новгородские славяне и кривичи соединились с чудью,

изгнали варягов за море, а затем (так рассказывает летопись), решили призвать для наведения порядка и защиты от внешних нападений варяжского князя Рюрика с братьями. Таким образом, у истоков русской государственности мы видим славян и их прибалтийских соседей (чудь), объединёнными в добровольном и равном союзе для борьбы против иноземных захватчиков.

В дальнейшем, в связи с более быстрыми темпами исторического развития восточных славян, меняется характер взаимоотношений между ними и прибалтийскими племенами. В IX—X веках у восточных славян начинают складываться феодальные отношения. Образуются первые княжества. В конце IX века Олег, княживший, согласно летописи, в Новгороде, спускается со своими воинами из Новгорода вниз по Днепру, завоёвывает Киев и кладёт, таким образом, начало Киевскому государству. В походе Олега, помимо варягов и славян, участвовала и чужь (эсты). Утвердившись в Киеве, Олег в 907 году организовал грандиозный поход на Византию, завершившийся славной победой русского оружия и поражением Византийской империи. И на этот раз в войске Олега наряду с славянами находилась чужь. Трудно сказать, на каких правах чужь-эсты принимали участие в походах Олега: как союзники, или, и это вероятнее, как племена зависимые, обязанные поставлять вспомогательные отряды русским князьям.

Кривичи полоцкие в состав государства Олега, повидимому, не входили. Полоцкое княжество оставалось самостоятельным. В конце X века Полоцком правил князь Рогволод, пришедший, по словам летописи, из-за моря. Только в 980 году киевский князь Владимир после долгой и упорной борьбы разбил Рогволода, и Полоцкое княжество вошло в состав Киевского государства. Вместе с Полоцком в зависимости от империи Рюриковичей (империей Рюриковичей Маркс называет Киевское государство по имени правящего княжеского дома Рюриковичей) оказались и латышско-ливонские племена, заселявшие бассейн Двины. Русские купцы давно уже совершали поездки из Полоцка вниз по Двине, торгуя с туземным населением. Вслед за ними шли дружинники полоцких князей, подчинявшие и облагавшие данью окрестные племена.

После присоединения Полоцка к Киевскому государству влияние русских распространилось на всё течение Западной Двины вплоть до берегов Рижского залива. Об этом свидетельствует интересная археологическая находка: при раскопках могил в низовьях Западной Двины найдена бронзовая подвеска с изображением трезубца — родового знака Рюриковичей, относящаяся к концу X века. Такие подвески носили на груди как знак своей высокой власти сборщики дани и другие лица, которые посылались киевским князем в различные края государства

для получения дани и отправления правосудия над местным населением. Возможно, что уже в это время были основаны русскими на Двине в качестве опорных пунктов укрепления Герцикэ и Куkenойс, ставшие впоследствии центрами небольших русских княжеств.

Во времена Владимира Эстония также была подвластна киевскому князю. Эсты участвовали в походе Владимира против Рогволода Полоцкого. Позже, около 997 года, дружинник Владимира Сигурд Эйриксон от имени киевского князя собирал в Эстонии дань.

Преемник Владимира князь Ярослав Мудрый сделал попытку закрепить русское влияние в Эстонии и создать там центр оседлой русской власти. В 1030 году Ярослав основал на берегу реки Эмбах новый город, который по своему христианскому имени — Юрий — назвал Юрьевом. В княжение Ярослава (1019—1054 годы), широко раздвинувшего границы империи Рюриковичей, влияние русских в Прибалтике достигло наибольшего распространения. В перечне даников Руси, относящемся ко времени Ярослава, летописец называет из прибалтийских племён чудь, литву, зимеголу, корсь, либь.

После смерти Ярослава начинается новый период русской истории, период феодальных смут и усобиц. Империя Рюриковичей распадается на отдельные феодальные княжества. Эти княжества дробятся на ещё более мелкие. Между

князьями происходит кровавая междоусобная борьба. Меркнет «дедовская слава», как печально говорит автор «Слова о полку Игореве», князей, собиравших русскую землю, расширявших и укреплявших её пределы. Со всех сторон «с победами» приходят «поганые»: с запада — литовцы, с востока — половцы. В этих условиях русское влияние в Прибалтике ослабляется. Перестают платить дань русским князьям куроны, независимыми становятся семигаллы, но судьбы двинских ливов и латышей попрежнему остаются тесно связанными с Полоцким княжеством, а судьбы эстов — с Новгородом.

II. ПОЛОЦКИЕ КНЯЗЬЯ НА ДВИНЕ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НОВГОРОДА С ЭСТАМИ В XI — XII ВЕКАХ

Герцикэ и Кукенойс, укрепления, основанные русскими при первом проникновении их в Ливонию, к началу XIII века превратились в центры небольших княжеств, которыми правили князья, принадлежавшие к полоцкому княжескому дому. Первое из этих княжеств, Герцикэ, более значительное по своим размерам, занимало территорию по среднему течению Западной Двины. На этой территории находилось много населённых пунктов, один из которых носил русское название «Речица». Название главного города княжества — Герцикэ — также, повидимому, русского происхождения. Его объясняют как искажение русского слова «городище». Действительно, словом «герцикэ» немцы обозначали княжескую резиденцию в Новгороде, которую русские называли «городище». Герцикэ был крупным и богатым городом, имел несколько церквей. В начале XIII века в Герцикэ сидел русский князь Всеволод, женатый на дочери литовского князя Даугерута.

Второе княжество — Кукенойс — было расположено ниже по течению Западной Двины. Главный город Кукенойского княжества находился на полуострове, образованном Западной Двиной и впадающей в неё рекой Кокной. На-

звание его, Куkenойс, — русское: оно означает «мыс Кокны». Княжеством управлял энергичный, смелый князь Вячко, впоследствии прославившийся своей упорной борьбой против немцев. В столицах обоих княжеств жили русские: княжеские дружинники, купцы, ремесленники. На окрестной территории находились поселения туземцев: латышей и селов. Но наряду с ними встречались и колонии русских, например, упомянутая уже Речица.

Ливы, жившие в низовьях Западной Двины, признавали власть полоцкого князя. В конце XII — начале XIII века в Полоцке княжил Владимир. Владимир даже в изображении немецких источников выступает как верховный правитель всех земель, простиравшихся от Полоцка по Двине до берегов Рижского залива. К нему обращается за разрешением вести проповедь среди ливов Мейнард, первый немецкий священник, прибывший в 1186 г. в Ливонию. Полоцкому князю как своему сюзерену платили дань ливы; немцы в 1210 году гарантировали ему получение этой дани. Верховную власть Владимира признавали и зависевшие от него князья Герцикэ и Куkenойса. Как бы подчёркивая влияние и силу полоцкого князя, немецкие источники называют его «*magnus rex*» — «великий князь», тогда как князей Герцикэ и Куkenойса просто «*rex*», «*regulus*» — «князь», «князёк». Власть полоцких князей над латышами и ливами, засе-

лявшими бассейн Двины, была, таким образом, фактом, признанным не только местным населением, но и немецкими завоевателями. Приступив к завоеванию Ливонии в начале XIII века, крестоносцы вынуждены были столкнуться с полоцкими князьями как с давними правителями края.

Более сложными были взаимоотношения эстонских племён с Новгородом Великим. В X — начале XI века эсты были данниками киевских князей. После распада Киевского государства во второй половине XI века верховная власть над эстонскими племенами переходит к Новгороду.

Опорным пунктом новгородцев в землях эстов являлся Юрьев, основанный, как уже упоминалось, в 1030 году Ярославом Мудрым. В Юрьеве находился постоянный гарнизон новгородцев, жили купцы, ремесленники. Юрьев был самым западным русским городом в эстонских землях. Но из летописей известно, что в XI—XII веках новгородцы совершали походы ещё дальше на запад в глубь Эстонии. В 1054 году под предводительством князя Изяслава Ярославича они ходили на чудь, взяли укрепление Кедипив и обязали племя «сосол» уплачивать ежегодную дань в 2 тысячи гривен. В начале XII века князь Мстислав Владимирович трижды (в 1111, 1113 и 1116 годах) водил новгородские рати в Эстонию; во время последнего похода была взята крепость Медвежья Голова (Оден-

пе). В 1179 году князь Мстислав Ростиславич с 20-тысячным войском новгородцев и псковичей прошёл всю Эстонию вплоть до моря. Но несмотря на все эти походы, Новгороду не удалось закрепить своего влияния в Эстонии так прочно, как это сделали полоцкие князья в землях латышей и ливов. Раздираемый внутренними смутами, противоречиями между различными партиями, борьбой против своих князей, Новгород не в состоянии был проявлять достаточно настойчивости и энергии для утверждения своей власти в Эстонии. Зависимость эстонских племён от Новгорода не носила постоянного характера.

Сношения Новгорода с Эстонией не ограничивались только военными походами и сбором дани. Между эстонскими областями и Новгородом издавна существовали торговые связи. Русские купцы посещали отдалённые районы Эстонии. Даже в таком далёком от Новгорода пункте, как остров Эзель, найден серебреник Ярослава Мудрого, в то время как на территории самой Руси эти серебреники встречаются очень редко. Можно предполагать, что русские купцы не ограничивались поездками в Эстонию, а в некоторых пунктах её поселялись на продолжительное время. Булла римского папы от 1234 года в числе жителей Ревеля называет русских; в этом же городе существовал русский конец — Вендефер. Имела место также колонизация русскими эстонских областей на северо-западном берегу

Чудского озера; здесь около Пюхтицы на могиле найден каменный новгородский крест XII—XIII века.

Ошибочно было бы думать, что только новгородские купцы ездили в Эстонию. Эсты сами привозили в Новгород продукты своей страны. Возможно, что во время посещений Новгорода они останавливались в определённой части его: во всяком случае в Новгороде имелась Чудинцева улица и Чудинцевские ворота.

О тесных сношениях с эстонскими племенами говорит и осведомлённость новгородских летописцев в этнографии и географии Эстонии. Летописцы знают названия отдельных эстонских племён, например, чудь-сысоло, чудь-ервен (племена сакала и ервен немецких источников). Известны им также эстонские городища: Кедипив, город Воробьин, Медвежья Голова (Кеденпе, Варбола, Оденпе по немецким документам).

*

Зависимость прибалтийских племён от русских княжеств не была тяжёлой. Она выражалась в уплате дани, которую ливы и латыши должны были выплачивать полоцким князьям, эсты — Новгороду. Дань вносилась как натурой, так и деньгами. Натуральную часть дани составляли главным образом меха, денежную — слитки серебра и монеты (арабские и западноевропей-

ские), встречающиеся в большом количестве в ливонских и эстонских могильниках.

Сбор дани в Прибалтике производился таким же способом, как на Руси. В древней Руси князя или сборщики дани объезжали подвластное население, взимая с него дань. Место остановки князя и его свиты при таком объезде носило название «погоста». Впоследствии «погостом» стала называться совокупность крестьянских дворов, составлявших податную единицу и обязанных содержать и снабжать всем необходимым князя или сборщиков дани во время пребывания их на погосте. В латышском языке встречается слово «pagasts», явно происходящее от русского «погост». В эстонском языке латышскому «pagasts» соответствует термин «vakk». Очевидно, эти термины возникли в латышском и эстонском языках в те времена, когда русские князья, собирая дань, ввели в Прибалтике ту систему погостов, которая была обычной на Руси.

Полоцкие князья, власть которых в Ливонии пустила более прочные корни, не ограничивались взиманием дани с латышских и ливонских племён. Ливы и латыши обязаны были по требованию полоцких князей выставлять вспомогательные военные отряды. Участие ливов в военных предприятиях полоцких князей засвидетельствовано летописями: из рассказа летописи известно, что в походе полоцкого князя Всеслава

Васильковича на Друцк в 1184 году находилась ливь (ливь).

Верховная власть русских князей над прибалтийскими племенами не нарушала общественной и политической жизни этих племён. В начале XIII века прибалтийские племена находились в стадии разложения родовых отношений и зарождения феодальных. Население, занимавшееся земледелием, бортничеством, скотоводством, было уже оседлым. Территории отдельных племён распадалась на ряд крупных областей, которые в свою очередь составлялись из более мелких округов. Во главе этих округов стояли старейшины. Многие из старейшин по существу являлись уже феодалами: они владели укреплениями, полями, стадами. Опираясь на свой авторитет в роде, в племени, материальное превосходство и личные способности, старейшины сосредоточивали в своих руках власть над населением определённых территорий, выступая руководителями в войнах и политических сношениях. Русские князья предоставляли своим прибалтийским подданным полную свободу как в вопросах внутреннего управления, так и внешнеполитических отношений. Эсты, ливы и латыши судились своими старейшинами на основе старинных обычаев; старейшины и вожди, по своему усмотрению, считаясь лишь с волей соплеменников, вели войны и заключали договоры.

Полной свободой пользовались прибалтийские племена и в вопросах вероисповедания. Оставаясь языческим, население Ливонии поклонялось своим древним богам, олицетворявшим силы природы. Правда, благодаря тесному общению с русскими христианство в его православной форме в какой-то степени проникало к прибалтийским народам. Именно поэтому в латышском и эстонском языках встречается ряд заимствованных из русского языка слов, относящихся к религиозному культу и религиозным понятиям (эстонское «rist» — русское «крест», эст. «papp» — русск. «поп», эст. «pagan» — русск. «поган» (язычник), латв. «baznīca» — русск. «божница», латв. «svēce» — русск. «свеча», латв. «krusts» — русск. «крест», латв. «grehs» — русск. «грех» и т. д.). Но никакие попытки не только насильственного, но даже активного распространения христианства среди прибалтийских племён со стороны русских, повидимому, не имели места.¹ Генрих Латвийский, католический священник, свидетель и участник немецкого завоевания Прибалтики, описавший его в своей «Хронике Ливонии», с удивлением отмечает, что русские князья, покоряя какой-нибудь народ, не заботятся об обращении его в христианскую веру. Эти слова в устах Генриха весьма показательны, ибо на

---

¹ Исключение составляют факты, относящиеся уже к периоду борьбы с немецким завоеванием Прибалтики; см. стр. 33.

языке немецкого священника начала XIII века «обращение в христианскую веру» означало не только искоренение язычества, но полное экономическое и политическое порабощение «обращаемых» народов. Эти слова политического прогивника русских ярко подчёркивают характерные черты русской власти, оставившей в неприкосновенности как общественный строй прибалтийских племён, так и старую языческую религию и весь освящённый веками уклад жизни. Именно этими особенностями власти русских князей объясняется тот факт, что в борьбе, развернувшейся за Прибалтику в начале XIII века, симпатии населения Прибалтики оказались на стороне русских, и немецким завоевателям пришлось столкнуться с союзом русского и прибалтийских народов.

Тесные политические и экономические узы, на протяжении ряда столетий соединявшие прибалтийские племена с русскими княжествами, не могли пройти бесследно для культурного развития народов Прибалтики. Более высокая русская культура оказала значительное влияние на культуру прибалтийскую. Это влияние оставило прочные следы в латвийском и эстонском языках и топонимике.¹

Целый ряд латвийских топонимических названий — русского происхождения. Таковы деревня

---

¹ Названия местностей.

Славка, Рушендорф — русская деревня, Куке-нойс, гора Любань на реке Эвсте, озеро того же имени и др.

Благодаря оживлённой торговле из русского языка проникли в латвийский и эстонский многочисленные термины, относящиеся к торговле и обмену. В латвийском языке встречаются «birkavs» — русское «берковец», «puods» — русск. «пуд», «muita» — русск. «мыто» (таможня); в эстонском языке «turg» в значении «базар» соответствует русскому «торг», «päsmer» — русск. «безмен», «put» — русск. «пуд», «teng» — русск. «деньги» и т. д. Общими для русского и эстонского языков являются также наименования предметов вооружения, торговля которыми, вероятно, была широко распространена: в эстонском «tapper» — в русском «топор», в эст. «look» — в русск. «лук».

Из русского перешли в эстонский и латвийский языки названия орудий производства, хозяйственного инвентаря и культурных растений: эстонское «saha» — русское «соха», эст. «värten» — русск. «веретено», латвийское «istaba» — старорусское «истъба», латв. «pagrabs» — русск. «погреб», латв. «rutks» — русск. «редька» и т. д.

Ко времени политического господства Полоцка и Новгорода над латышскими и эстонскими племенами относится возникновение терминов административных и правовых: латвийское «suods» — русское «суд», латв. «pagasts» — русск.

«погост», латв. «vald» — русск. «волость», эстонское «raja» — русское «край», эст. «ige» — русск. «иго», эст. «voli» — русск. «воля» и т. д.

Трудно проследить, в какие исторические эпохи возникли все эти заимствования, но можно предполагать, что основная часть их падает на период политической зависимости Прибалтики от Новгорода и Полоцка, — период наиболее оживлённых связей между русскими и прибалтийскими народами. Эти связи были прерваны немецким завоеванием Прибалтики в первой четверти XIII века.

III. ЗАВОЕВАНИЕ ПРИБАЛТИКИ НЕМЦАМИ И БОРЬБА ПРИБАЛТИЙСКИХ И РУССКОГО НАРОДОВ ПРОТИВ НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИИ

«Жители незначительных городов в нижней Саксонии и Вестфалии плавали на своих маленьких ладьях не только вверх по Эмсу, Везеру и Эльбе, но также в Северное и Балтийское моря, торговали по берегам Лифляндии и Эстляндии и до Новгорода ещё задолго до того, как ими была основана на острове Готланде колония Висби — общий сборный и складочный пункт северо-немецкого купечества», — указывает Маркс в «Хронологических выписках». Именно северо-немецкие купцы привезли в Германию вести о богатствах прибалтийских земель, о заселяющих их языческих племенах, которые следует обратить в христианскую веру и подчинить немецкому господству. И, как обычно было в те века, по дороге, проложенной немецким купцом, двинулся немецкий священник, а за ним и немецкий рыцарь, чтобы крестом и мечом утвердить своё владычество во вновь открытой стране.

В 1184 году на одном из кораблей вместе с купцами прибыл к устью Западной Двины первый немецкий священник Мейнард. Он обратился к полоцкому князю Владимиру с просьбой разрешить ему проповедь христианства среди язычников-ливов. Владимир разрешил. Давая

это разрешение, полоцкий князь не подозревал, какими жестокими врагами окажутся для него в недалёком будущем «мирные» пришельцы и какое неслыханное угнетение принесут они его подданным. В благосклонном отношении Владимира к просьбе Мейнарда бесспорно сыграли роль также те выгоды, которые открывала возможность установить прямые торговые сношения с немцами по Двине.

Получив разрешение от полоцкого князя, Мейnard начал проповедывать среди ливов. Однако деятельность Мейнарда не ограничивалась проповедью. По его инициативе каменщики, выписанные из Готланда, построили в двух стратегически важных пунктах — Икесколе и Гольме — замки, первые немецкие крепости в Ливонии. Вскоре римский папа провозгласил Мейнарда епископом Ливонии. Ливы, подозрительно следившие за поведением чужеземцев, после постройки замков заняли явно враждебную позицию. «Самого его (епископа. — *Авторы*) ливы решили изгнать из своих владений. Крещение, полученное в воде, они надеялись смыть, купаясь в Двине, и отправить назад в Тевтонию».¹ Убедившись в «упорстве» язычников, Мейnard решил известить об этом папу римского. Узнав о печальном состоянии хри-

---

¹ *Генрих Латвийский*; Тевтонией Генрих Латвийский называет Германию.

стианской проповеди в прибалтийских землях, папа «даровал полное отпущение грехов всем тем, кто, приняв крест, пойдут для восстановления церкви в Ливонию» (Генрих Латвийский). В ответ на призыв папы сотни немецких рыцарей, жаждущих добычи и приключений, устремились в Ливонию. Они шли спасать «язычников», обращать их в истинную веру, на деле же грабить и разорять мирное население Прибалтики.

Большой поход крестоносцев был организован в 1198 году. Во главе его стоял новый епископ Ливонии Бертольд (Мейнард умер в 1196 году). С оружием в руках встретили крестоносцев ливы. В происшедшей битве Бертольд был убит. Потеряв вождя, крестоносцы пришли в ожесточение и стали «огнём и мечом» опустошать ливские земли. Ливы вынуждены были смириться и обещали принять христианство. Но как только крестоносцы на кораблях отплыли от берегов Ливонии, ливы стали толпами заходить в Двину и обливаться водой, говоря: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам».

Немцы убедились, что при помощи прибывающих на время из Германии ополчений крестоносцев покорить Ливонию нельзя. «Было необходимо постоянное войско; в те феодальные

времена его мог доставить только духовный рыцарский орден, члены которого имели определённые поместья и на доходы с них содержали всадников», — отмечает Маркс в «Хронологических выписках».

В 1202 году с благословения папы римского в Ливонии был создан специальный рыцарский орден. Члены его носили белые плащи, на которых были нашиты красные кресты и мечи. Поэтому орден получил название Меченосцев. Орден Меченосцев носил аристократический характер. Члены его распадались на три класса: первый — братьев-рыцарей, второй — братьев-священников, третий — служащих братьев. Каждый вступающий в число братьев-рыцарей клятвой должен был заверить своё рыцарское происхождение. Для братьев-священников, к которым относились священники и чиновники Ордена, рыцарское происхождение было обязательно, но допустимо. К классу служащих братьев (оруженосцы, ремесленники и всякого рода обслуживающий персонал) потомки рыцарских родов принадлежать не могли, но всякий желающий вступить в этот класс должен был заявить под присягой, что он никогда не был слугой или рабом. Во главе Ордена стоял начальник-магистр, которому рыцари были обязаны беспрекословно повиноваться. При вступлении в Орден рыцарь давал четыре обета: послушания, целомудрия, бедности и посвящения

всей жизни делу обращения язычников. По своей идее Орден представлял замкнутую духовно-рыцарскую организацию, члены которой, отказавшиеся от всех земных благ, должны были нести свет христианской веры языческим народам. В действительности дело обстояло иначе. История Ордена изобилует описаниями внутренних раздоров и неповиновения магистру, насилий над женщинами и грабежа мирного населения. Только последний обет рыцари соблюдали свято: кровь обращённых язычников лилась рекой.

Ещё до создания ордена Меченосцев Альберт, третий епископ Ливонии, дальновидный политик и ловкий дипломат, построил в 1201 году в устье Западной Двины укреплённый город Ригу. Рига должна была стать крупным торговым портом, притягательным центром для переселенцев из Германии и базой немецкого завоевания Ливонии. Опираясь на Ригу и располагая такой военной силой, как орден Меченосцев, Альберт приступил к покорению Ливонии.

Епископ Альберт прежде всего стремился к закреплению за немцами нижнего течения Западной Двины. Это вызвало противодействие со стороны давних властителей края — полоцких князей. Между полоцкими князьями и немцами начинаются первые столкновения. Обеспокоенный немецкой агрессией, Владимир Полоцкий предпринимает походы против Риги. Автор

одной из немецких хроник Арнольд Любекский следующим образом пишет о причинах этих походов: «Король России из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов, а епископ в ней отказал ему. Оттого он часто делал жестокие нападения на ту землю и упомянутый город» (Ригу). В 1203 году войска князя Полоцкого появились на нижнем течении Западной Двины и осадили замок Икесколу; осада была снята только после уплаты жителями выкупа. Вслед за тем Владимир Полоцкий сделал попытку взять другой замок, Гольм, но неудачно. В том же году князь Герцикэ совместно с литовцами совершил нападение на окрестности Риги и угнал скот.

Однако эти первые походы полоцких князей против немцев не являлись заранее продуманными и подготовленными; это были набеги, происходившие без участия широких масс ливонского и латышского населения. Но очень скоро положение меняется: завоевательные планы немцев, настойчивость и жестокость в проведении их, толкали русских князей и народы Прибалтики к объединению сил для борьбы против немецких захватчиков.

Епископ Альберт принимал все меры для того, чтобы не допустить этого объединения и иметь возможность бить противников поодиночке. Он старался установить хорошие отношения с князем Полоцким, заискивал перед ним,

чтобы, по крайней мере на время, предотвратить его вмешательство в ливонские дела. В 1206 году он направил к нему посла с подарком — боевым конём. Прибыв к Владимиру, посол Альберта застал у него ливов, посланных старейшинами, которые старались «склонить короля к изгнанию немцев из Ливонии». Ливы утверждали, что «епископ с его сторонниками для них великая тягость, а бремя веры нестерпимо». Владимир благосклонно отнёсся к просьбе ливов и «велел всем находящимся в его королевстве, — рассказывает Генрих Латвийский, — как можно скорее готовиться к походу, чтобы, взяв необходимое на дорогу, на корабле или на плотах из брёвен по течению реки Двины быстро и удобно подойти к Риге». Вслед за тем в области ливов и леттов были направлены русские гонцы с призывом подниматься против немцев. Речь шла, таким образом, о совместном выступлении русских и ливов.

Однако этот широко задуманный план борьбы закончился неудачей из-за несогласованности действий его участников. Ливы, выступившие первыми, захватили замок Гольм, но затем были разбиты немцами. Когда же со своими войсками спустился по Двине Владимир Полоцкий и осадил Гольм — крепость, являющуюся ключом к Риге, ливы не смогли уже, вследствие понесённого только что урона, ока-

зять ему действенной поддержки. Тем не менее возможность выступления ливов и соединения их с русскими не была исключена, а это создало бы для немцев чрезвычайно опасное положение, особенно ввиду отъезда епископа и части его людей в Германию. Вот что пишет Генрих Латвийский, прекрасно разбиравшийся в обстановке, о замыслах ливов: «Ливы же ежедневно все искали с королём способа, как бы, захватив их (немцев. — *Авторы*) хитростью, предать в руки русским, и если бы продлились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы защититься». В течение 11 дней русские осаждали Гольм. На одиннадцатый день осада была снята. Очевидно, к этому полоцкого князя побудило появление на море кораблей, которые он принял за корабли епископа, возвращавшегося из Германии с крестоносцами. Следствием неудачного похода Владимира на Ригу явилось утверждение немцев на нижнем течении Западной Двины.

Теперь немцы подошли вплотную к передовому русскому форпосту на Двине — Куkenойсу. В 1207 году развернулась непродолжительная борьба между Вячко, куkenойским князем, и немецкими рыцарями. Эта борьба закончилась для князя Куkenойса неудачно — силы его были невелики, а Владимир Полоцкий, к которому Вячко обратился за помощью,

медлил с выступлением. Вячко вынужден был оставить свой замок и навсегда ушёл из своего княжества в Россию. Вместе с ним ушли из замка жившие там летты и селы, которых Генрих Латвийский называет «единомышленниками и сотрудниками его» «в убийстве тевтонов» (немцев). Они скрылись в лесных тущобах; впоследствии рыцари выловили их и предали жестокой казни.

После падения Кукенойса наступила очередь княжества Герцикэ. Всеволод, герцикский князь, был активным противником немецких рыцарей — «врагом христианского рода», по определению Генриха. Особенно немцы ставили ему в вину постоянный союз с литовцами, набеги которых на Ливонию доставляли рыцарям немало хлопот. В 1209 году рыцари приступом взяли город Герцикэ и разграбили его. Всеволод успел бежать, но вся его семья попала в плен, и он принуждён был признать себя вассалом епископа. Таким образом, старинные русские крепости на Двине перешли в руки немцев. Немецкое иго нависло над землями латышей и ливов.

Однако положение немцев в Ливонии было непрочным. Покорённые племена ждали только удобного повода, чтобы сбросить власть ненавистных пришельцев. В 1210 году такой повод представился: во время одной из морских схваток куруны разбили отряд крестоносцев. Весть

об этом облетела все прибалтийские племена, и они стали пересылаться гонцами: «сначала ливы послали к курам, куры — к эстам, а также к литовцам, семигаллам и русским, и все искали способа, как разрушить Ригу, а тевтонов захватить хитростью и всех убить», — сообщает Генрих Латвийский. Дело шло, таким образом, о подготовке всеобщего восстания против немцев. Немцев спасло превосходство военной техники и отсутствие организованности среди прибалтийских племён. Выступление курунов, осадивших в июле 1210 года Ригу, не было своевременно поддержано другими племенами, и, потерпев при попытке взять Ригу большой урон от метательных орудий немцев, куруны отступили.

Но, несмотря на этот успех, обстановка для немцев продолжала оставаться напряжённой, особенно в связи с начатой ими в эти годы борьбой за Эстонию. Генрих Латвийский следующим образом характеризует положение: «Ливонская церковь в то время, находясь посреди множества языческих племён, в соседстве русских, терпела немало бедствий, так как те все имели одно стремление — уничтожить её».

В таких условиях епископ Альберт решил добиться мирного соглашения с Владимиром Полоцким, чтобы развязать себе руки против прибалтийских племён и, в первую очередь, против эстов. В том же 1210 году произошёл обмен посольствами между епископом и князем По-

лоцким и был заключён «вечный» мир. В 1212 году состоялись новые переговоры между Владимиром и епископом Альбертом. Они закончились отказом князя Полоцкого от прав на Ливонию, с тем «чтобы укрепился между ними «вечный» мир... а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине».

Отказ Владимира Полоцкого от исконных прав на ливонские земли и пассивность его преемников в этом вопросе объясняются целым рядом причин. Одной из них была заинтересованность полоцких купцов в установлении прямых торговых сношений с Ригой по Двине. Но решающей являлась угроза Полоцкому княжеству со стороны литовцев. Находясь на западной окраине земли русской, Полоцкое княжество граничило с Литвой. С конца XII века литовцы всё чаще и чаще стали совершать набеги на полоцкие земли. Полоцкие князья, с трудом отбиваясь от них, не могли уделять достаточно сил для защиты своих отдалённых владений на Двине и отступили перед напором немецкой агрессии.

Во время борьбы полоцких князей против немцев Новгород и Псков стояли в стороне. Повидимому, они считали события на берегах Двины чем-то далёким, не затрагивающим их интересов. Положение изменилось с продвижением немцев в Эстонию.

В 1208—1209 годах немцы предприняли походы в одну из пограничных с Псковом и Новгородом эстонских областей — Унгавнию. А в 1210 году в ту же Унгавнию к Оденпе ходили с большим войском новгородцы и псковичи, причём интересно, что на этот раз они не ограничились, как обычно, взиманием дани, а некоторых из эстов крестили. Очевидно, всё предприятие, и в особенности факт крещения эстов русскими, было прямым ответом на немецкие походы в Унгавнию: посредством крещения новгородцы и псковичи хотели помешать распространению католичества, а вместе с ним и владычества немцев в Прибалтике. В 1212 году новгородцы под предводительством князя Мстислава Мстиславича опять ходили в Эстонию. Генрих Латвийский подчёркивает прямую связь между этим походом новгородцев и военными действиями немцев против эстов: «Когда великий король Новгорода Мстислав услышал о тевтонском войске в Эстонии, поднялся и он с 15 тысячами воинов и пошёл в Вайгу, а из Вайги в Гервен; не найдя тут тевтонов, двинулся дальше в Гаррию, Варболэ»; после того как жители Варболэ обещали выкуп, Мстислав снял осаду. Новгородские летописи также сообщают о походах Мстислава. Только поход на Оденпе (Медвежьё Голову наших летописей) они относят к 1212 году, а поход на Варболэ (город Воробьин) — к 1214 году.

В период с 1212 по 1217 год занятый борьбою с суздальскими князьями Новгород не мог уделять внимания прибалтийским делам. Эта вынужденная пассивность Новгорода была на руку немцам. Годы с 1212 по 1217 заполнены беспрерывными походами рыцарей и вассалов епископа в эстонские области. Походы эти сопровождались страшными жестокостями. Немцы разоряли цветущие эстонские деревни, грабили население и принуждали его к принятию крещения. Вот типичная картина рыцарского похода: «Разослав войско по всем дорогам, стали грабить страну, всех захваченных мужчин перебили, женщин и детей увели в плен, угнали с собой много скота, унесли большую добычу, а деревни и дома предали пламени».¹

В экспедициях рыцарей против эстов принимали участие силы уже покорённых немцами племён (ливов, леттов): натравливание одних племён на другие, использование в своих интересах разрозненности племён были излюбленными методами немцев. Другой характерной чертой немецкой политики в Прибалтике являлось стремление любыми средствами посеять рознь между эстами и русскими. При этом немцы не стеснялись прибегать к грубому обману. Так, в 1216 году они заявили эстам Унгавнии, что счи-

---

¹ Генрих Латвийский, Хроника Ливонии.

тают их независимыми от русских и всячески будут поддерживать их независимость: «обещали вместе жить и вместе умереть».

Вначале вожди некоторых эстонских племён, ещё не разобравшиеся как следует в обстановке, попадали в сети немецкой политики и выступали против русских: в 1212 году эсты совершили набег на Псков, в 1216 году эсты Унгавнии просили у немцев помощи против русских и получили в ответ приведённые выше обещания.

Но очень скоро вся Эстония воочию убедилась, какое иго несут с собой немецкие рыцари. Эсты поняли, что спасения против надвигающегося порабощения они могут искать только у русских. В 1216 году они предложили старому врагу немцев князю Владимиру Полоцкому план совместной борьбы против немецких завоевателей: полоцкие войска должны были осадить Ригу, эсты — напасть на земли ливов и латышей, покорённые немцами. Смерть Владимира Полоцкого помешала осуществлению этого плана. Тогда эсты обращаются к Новгороду.

К этому моменту новгородцы, разбившие в битве на реке Липице в 1216 году суздальских князей и на время гарантировавшие себя от их покушений, получают возможность решительно вступить в борьбу, развернувшуюся в Прибалтике. К этому их толкали также успехи немцев в Эстонии и особенно занятие рыцарями эстон-

ской крепости Оденпе, стратегически важного пункта на дороге из Ливонии к Изборску и Пскову.

В феврале 1217 года войско псковичей и новгородцев вступило в пределы Эстонии и направилось к Оденпе. Одновременно русские послы, разосланные по всей Эстонии, призывали эстов итти на помощь. На призыв новгородцев откликнулись жители всей Эстонии: прибыли отряды даже с острова Эзель. Соединённые силы русских и эстов осадили Оденпе. Отсутствие осадных машин не дало возможности русско-эстонским войскам, несмотря на их многочисленность, штурмом взять немецкие укрепления. Тем не менее положение немецкого гарнизона в Оденпе было нелёгким. Магистр Ордена и епископ послали на помощь осаждённому трёхтысячный отряд. Отряд не в силах был заставить русских и эстов снять осаду и, пробившись к замку, укрылся в его стенах. Новгородские летописи сообщают, что во время осады русскими Оденпе немцы напали однажды на русский обоз, русские отбили нападение, убив двух немецких воевод, а третьего взяли в плен (повидимому, это был Теодорик, брат епископа Альберта).

Осада продолжалась. В замке начался голод. Русское войско также страдало от недостатка припасов. Военачальники обеих сторон вступили в переговоры, которые закончились подписанием мира при условии очищения немцами Оденпе.

Сдача немцами Оденпе наглядно показала силу русско-эстонского союза, и епископ Альберт стремится расстроить его. Он пытается установить с новгородцами прочный мир и с этой целью посылает в Новгород посольство. Новгородцы к мирным предложениям епископа отнеслись отрицательно, с эстами же вели активные переговоры, «обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов и уничтожить ливонскую церковь». Новгородский князь обещал эстам притти на помощь вместе с псковичами. «И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале... и явились к ним и роталийцы, и гариионцы, и вироны, и ревелицы, и гервенцы, и люди из Саккалы. Было их шесть тысяч и ждали все пятнадцать дней в Саккале прибытия русских королей» (Генрих Латвийский). Таким образом, вся Эстония готова была восстать против немцев. Получив донесение о действиях эстов, немцы, чтобы не допустить соединения их с русскими, поспешно двинулись к месту сбора эстов. В происшедшем ожесточённом сражении эсты были разбиты.

Епископ Альберт понимал, что эта победа не означает умиротворения Эстонии. Страх перед русско-эстонским военным союзом, сознание недостаточности собственных сил для покорения Прибалтики и отражения русских заставили епископа Альберта обратиться в 1218 году к королю

Датскому с просьбой о помощи. Король Дании Вольдемар благосклонно принял просьбу епископа и обещал на следующий год прибыть с войском: Вольдемар надеялся таким образом подчинить Эстонию датскому владычеству. Но прежде чем явилась датская помощь, новгородцы и псковичи начали задуманный ещё в 1217 году поход против немцев.

В августе 1218 года шестнадцатитысячное русское войско появилось в Эстонии. Здесь оно должно было соединиться с отрядами эстов, после чего союзники предполагали двинуться в ливонские области. Перехватив русских и эстонских послов, немцы узнали о движении русских и выступили им навстречу. Сражение произошло недалеко от реки Эмба. Генрих Латвийский изображает его как победу немцев, рассказывая о большом числе убитых русских, о захваченных русских знаменосцах. В действительности же сражение закончилось, вероятно, без видимого перевеса одной из сторон, ибо через три дня после него русские продолжили свой поход. На этот раз они направились в земли ливов и леттов; целью похода был замок Венден (Кесь наших летописей), один из важнейших орденских замков. Попытка взять Венден окончилась неудачей, и русские вскоре отступили. Возможно, к этому их побудило известие о набеге литовцев на Псков.

В 1221 году новгородцы организовали новый поход: двенадцатитысячное русское войско опять ходило на Венден и с большой добычей вернулось в Новгород.

Быть может, не случайно эти большие походы новгородцев были направлены против Вендена. Если вдохновителем и вождём в деле покорения ливонских и латышских племён был епископ, то в завоевании Эстонии ведущую роль играл орден Меченосцев. Именно поэтому новгородцы в 1218 и 1221 годах решили нанести удар по Вендену, главной базе рыцарских экспедиций.

К этому времени датчане, высадившиеся в 1219 году в Ревельской области, на месте древнего, разрушенного при высадке, укрепления эстов Линданизэ построили крепкий каменный замок — центр будущего Ревеля. Ревель стал опорным пунктом датских крестоносцев на севере Эстонии. Немцы утвердились в южных и западных областях Эстонии. Свободным от владычества крестоносцев оставался только район Юрьева. Но немецко-датские завоеватели чувствовали себя беспокойно. Среди эстов шло глухое брожение. Вся Эстония напоминала пороховой погреб, готовый с минуты на минуту взорваться.

В начале 1223 года этот взрыв произошёл. Великое восстание охватило земли эстов. Сигналом к нему явились события на острове Эзель. В конце 1222 года эзельцы взяли датский замок при помощи осадных машин, строить кото-

это время в Новгороде князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Ярослав Всеволодович был выдающимся государственным деятелем; в то время, в период расцвета феодальной раздробленности, когда русские князья в своей политике обычно преследовали только узкие личные интересы и интересы своего ближайшего окружения, Ярослав прежде всего преследовал интересы всей северно-русской государственности. В эти трудные годы, когда на севере на русские владения в Финляндии и Карелии надвигались шведы, на западе на русские владения в Прибалтике — немцы, Ярослав стремился организовать активную оборону против наступления обеих вражеских сил.

Он понимал, что одними походами против немцев, пусть удачными, Эстонии не удержать. Чтобы прочнее привязать к Новгороду земли эстов, необходимо было иметь в них постоянные опорные пункты. Поэтому Ярослав оставляет русские гарнизоны в Юрьеве и Оденпе, важнейших крепостях Эстонии, и затем по просьбе эстов ведёт свои войска на Ревель («Колывань» наших летописей). В течение четырёх недель русские осаждали датчан, находившихся в Ревеле. При помощи балист датчане причинили русским большой ущерб. После четырёхнедельной безрезультатной осады Ярослав повернул обратно. Во время похода новгородцы взяли большую добычу и множество пленных. Но решительного удара

датчанам и немцам нанести не удалось. «Ярослав повоева всю землю Чудьскую, и полона приведе без числа, но города не взяша, злата много взяша», — отмечает новгородский летописец.

Для успешной борьбы против немецко-датских рыцарей со стороны Новгорода необходимы были настойчивость и последовательность, проявить которые он был не в состоянии: в первой четверти XIII века Новгород был слишком поглощён защитой своих вольностей от притязаний суздальских князей. С князем же Ярославом Всеволодовичем, стремившимся к закреплению Эстонии, новгородцы не ужились из-за его крутого и властного характера. Вскоре после похода на Ревель Ярослав уехал из Новгорода, а вслед за этим между Новгородом и суздальскими князьями началась ожесточённая борьба. Эсты были предоставлены собственным силам. Немецкие и датские рыцари восстанавливали своё владычество, огнём и мечом усмиряя восставших эстов.

К началу 1224 года свободным оставался только Юрьев, в котором новгородцы посадили Вячко, бывшего кукенойского князя, заклятого врага немцев. Вместе с Вячко прибыл отряд в 200 человек. Эсты встретили русских с радостью. Юрьев стал сборным пунктом для всех противников немцев: сюда со всех концов Эстонии стекались эсты, активные участники восста-

ния 1223 года. Под руководством Вячко строились осадные машины, укреплялись стены. Немцы не могли быть спокойными за своё владичество над Эстонией, пока эта сильнейшая крепость находилась в русско-эстонских руках.

В апреле 1224 года немцы пробовали взять Юрьев, но неудачно. Затем они предложили Вячко оставить крепость и уехать в Россию. Вячко отказался и усилил военно-оборонные работы. Тогда немцы стали готовиться к походу на Юрьев. Было создано большое войско, в котором помимо рыцарей участвовали вассалы епископа, горожане Риги, крещёные ливы и летты. 15 августа немецкое войско подошло к Юрьеву и начало осаду его. Из крепких брёвен немцы соорудили осадную башню в уровень с валом, окружавшим город. Часть войска строила осадные машины; другая была занята рытьём подкопа. Вячко, который был душой обороны Юрьева, немцы вторично предложили уйти, обещая свободный путь в Россию, но он отказался, ожидая помощи из Новгорода.

В течение многих дней продолжалась осада. Немцы метали из балист камни, из патерэлл бросали раскалённые куски железа и горшки, наполненные горючим материалом. Русские отвечали стрелами из луков и камнями из своих балист. Осаждающие и осаждённые ни днём, ни ночью не имели ни минуты покоя. «Подкоп вёлся день и ночь без отдыха, и башня всё

более приближалась к замку. Не было отдыха усталым. Днём бились, ночью устраивали игры с криком: ливы и летты кричали, ударяя мечами о щиты; немцы били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах, русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна», — рассказывает Генрих Латвийский об осаде Юрьева. Наконец, приблизив свою бревенчатую осадную машину к замку, немцы решили предпринять штурм. Но в этот момент Юрьев озарился яркими огнями. Эсты «открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колёса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров». С трудом немцы спасли свою башню от огня. Чтобы воодушевить остановившихся немецких воинов, на приступ повёл их брат самого епископа. Он взял факел в руку и первый стал подниматься на вал. За ним двинулись остальные. Русские сбежали к воротам для отпора. Лишь после отчаянной схватки рыцарям удалось сквозь отверстие, через которое выкатывали огненные колёса, ворваться в Юрьев. На улицах Юрьева рыцари устроили настоящую бойню. По свидетельству Генриха Латвийского, они «стали избивать народ, и мужчин, и даже некоторых женщин, не щадя никого». Русские, «оборонявшиеся дольше всего», вынуждены были, наконец, под натиском многочисленного врага, отступить во внутренние укрепления. Здесь они были за-

хвачены немцами и перебиты. Погиб и князь Вячко. В живых был оставлен только один русский; немцы снабдили его конём и одеждой и отправили в Новгород и Суздаль — торжествующие рыцари хотели известить противника о своём успехе.

Новгородское войско, двигавшееся на помощь Вячко, узнав о его гибели и взятии Юрьева немцами, повернуло обратно.

Так в 1224 году пал последний оплот русских в Прибалтике — древний город Юрьев.

Взятие Юрьева было решающей победой немецких рыцарей в борьбе за обладание Ливонией. Лучшая, наиболее боеспособная часть эстонцев, латышей, ливов была уже перебита. Прибалтийские народы не имели больше сил продолжать борьбу. Вся Ливония оказалась в руках рыцарей.

Но русская государственность не отказалась так быстро от своих прав и влияния в Прибалтике. Были сделаны попытки продолжить борьбу, вернуть утраченное. Вдохновителем этих попыток был князь Ярослав Всеволодович, вернувшийся к этому времени в Новгород.

Вскоре после падения Юрьева Ярослав задумал нанести удар в самое сердце немецкого владычества в Ливонии. Он начинает готовить большой поход на Ригу. Из Переяславля-Залесского, вотчины князя, были вызваны вспомогательные полки, раскинувшие свои шатры у Рюрика

городища, княжеской резиденции под Новгородом. Начался сбор войска в Новгороде и Пскове.

Но идея похода на далёкую Ригу оказалась в тот момент непопулярной. И в Новгороде и, особенно, во Пскове господствующая верхушка, бояре и купцы стремились к скорейшему установлению мира с немцами, ибо длительные войны сильно отозвались на торговле с Ливонией и, через Ливонию, с заморскими странами. Псковских и новгородских торговых людей интересовали только их барыши — об интересах государства они совершенно не думали.

Псковичи припомнили Ярославу неудачу его первого большого похода в Ливонию — похода на Ревель в 1223 году, — и отказались участвовать в новом походе. Под влиянием отказа псковичей вече в Новгороде, возглавленное боярами и купцами, тоже выступило против похода. План Ярослава на этот раз провалился.

Военные действия против немцев возобновились в 1233 году. Немецкие рыцари, пользуясь изменой части псковских бояр, внезапным набегом заняли Изборск, старинную крепость, прикрывавшую подступы к Пскову с запада. Псковичи окружили Изборск и возвратили его обратно. Теперь, после нападения немцев, идея похода в Ливонию была встречена в Новгороде сочувственно. В 1234 году Ярослав снова привёл полки из Переяславля, собрал новгородские полки и двинулся в Эстонию, к её центру, Юрь-

еву. Под Юрьевом, на льду реки Эмба, Ярослав нанёс тяжёлое поражение рыцарям, вышедшим из Юрьева ему навстречу, и заключил мир с ними «на всей правде своей». Есть все основания полагать (как это делает крупнейший русский историк С. М. Соловьёв), что именно тогда в одном из условий мирного договора Ярослав заставил город Юрьев и Юрьевскую область уплачивать русским ежегодную дань, существовавшую до середины XVI века. Точная дата установления этой дани не известна, но, скорее всего, она установлена именно в 1234 году, когда Юрьев, в первый раз после перехода в руки немцев, был побеждён русскими. Тогда ещё всем были ясны законные права Руси на юрьевскую землю; установленная дань должна была символизировать, что эти права сохраняются за Русью, что Юрьевская область находится у немцев лишь временно.

Аналогичное положение сохранялось довольно долго и в латвийских землях. Латыши восточной Латвии, области Толова, были в 20-х годах XIII века покорены немцами и крещены ими. Но до самого конца XIII века псковичи собирали со всей области Толова ежегодную дань. Хотя здесь давно господствовали немцы, псковские сборщики дани ежегодно до конца XIII века объезжали всю область и с каждой деревни собирали определённую дань в псковскую казну. И здесь дань символизировала, что юридически

законной верховной властью в этой области являются не временные хозяева — немцы, а Псков.

Дань с Юрьевской области сыграла впоследствии, в XVI веке, как мы увидим, весьма существенную роль в ходе политических событий.

Поход Ярослава 1234 года был последней попыткой русской государственности продолжить борьбу за Ливонию. Спустя три года началось нашествие татар на русскую землю. Ослабленная татарским нашествием и татарским игом, Русь вынуждена была временно примириться с утратой Прибалтики.

Немецкие рыцари попытались воспользоваться тем исключительно тяжёлым положением, в котором оказалась Русь в первые годы после нашествия Батыея, и продолжить свои завоевания за счёт русских земель.

Чтобы обеспечить успех похода, Орден заключил союз со Швецией. Шведские и немецкие рыцари выступили одновременно. Шведы направили свой удар на Неву и Ладогу, немецкие рыцари — на Изборск и Псков, предполагая далее захватить и подчинить себе всю северо-западную Русь.

Поход шведских рыцарей на Русь был остановлен в самом начале, на Неве. Молодой новгородский князь Александр, сын Ярослава Всеволодовича, встретил врагов на берегу Невы и в короткой битве наголову разбил шведское

войско. Князь-победитель с тех пор вошёл в историю под именем «Невский».

Действия немцев были более удачны. Воспользовавшись изменой части псковских бояр, немецкие рыцари захватили Изборск и крупнейший после Новгорода город северо-западной Руси — Псков. Завоёванные земли немцы сразу присоединили к своим владениям. Во Пскове были, как и во всех, принадлежавших Ордену, городах и землях, посажены два фохта¹ для управления городом и его периферией.

Первый успех окрылил «крестоносцев». В начале зимы они захватили Водскую землю (побережье Финского залива от Наровы до Невы) и невские берега. На высоком холме в Копорье немцами была выстроена деревянная крепость, а местное население обложено данью. Затем немецкие отряды захватили сёла Луга, Тёсово, Сабля. Передовые отряды рыцарей появились в 30 верстах от Новгорода.

Положение было критическим. Немцы уже захватили всю западную окраину Новгородской земли, враг стоял у ворот Новгорода. Решалась судьба всей северо-западной Руси.

Александра Невского не было в это время в Новгороде: не поладив со своевольным новгородским боярством, он уехал в Переяславль. Но

---

¹ Фохт — наместник; должностное лицо, управлявшее от имени Ордена городом или областью.

грозная опасность, нависшая над Родиной, заставила забыть все ссоры. Новгородцы послали гонцов к Александру с просьбой притти и возглавить борьбу против немцев.

Александр Невский сразу же приехал в Новгород и поднял весь народ на борьбу против врага. Было собрано ополчение со всей Новгородской земли, пришли на помощь полки из центральных русских областей.

Несколькими короткими ударами Александр вернул Копорье, Водскую землю, Псков. Руководство Ордена поняло: наступает час решающей схватки. Орден собрал все свои силы и снова двинулся на Русь.

5 апреля 1242 года на льду Чудского озера произошла решающая битва, вошедшая в историю под названием «Ледовое побоище». Рыцарские войска были разбиты наголову; лишь жалкие остатки их спаслись бегством.

Разгром немцев на Чудском озере сыграл решающую роль для немецкого ордена в Прибалтике. В борьбе с русским народом выдохлась наступательная энергия немецкого рыцарства. После Ледового побоища рыцарям пришлось волею-неволей признать истину: русский народ завоевать и подчинить не удастся. На льду Чудского озера продвижению немцев на восток был положен предел.

В жестокой борьбе с немцами русский народ отстоял свою независимость и избежал той уча-

сти, которая постигла эстонцев и латышей. Народы же Прибалтики на несколько столетий подпали под немецкое иго.

Государственная граница между Ливонией и Новгородской землёй, установившаяся после 1242 года, отделила эстонцев и латышей от русского народа. Но даже в условиях полной политической разобщённости древние дружественные связи русского и прибалтийских народов не прерывались. Это ярко сказалось в событиях 1343 года.

IV. ВЕЛИКОЕ ЭСТОНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1343 ГОДА

Завоеватели не сумели создать в захваченной ими стране единый государственный организм. Немецкая Ливония явилась сложным конгломератом из целого ряда самостоятельных политических образований с очень слабой центральной властью.

В Ливонии с самого начала действовали три основные политические силы: рыцарский орден, церковь и города. Номинально главой Ливонии, её феодальным сеньором считался первое время глава ливонской церкви, рижский архиепископ, затем — магистр Ливонского ордена. Фактически же все политические единицы, входившие в состав Ливонии, были в своей внутривнутриполитической жизни совершенно самостоятельны. Даже непосредственно подчинённые в церковном отношении рижскому архиепископу епископы дерптский, эзельский и курляндский были самостоятельными феодальными владетелями внутри своих земель и осуществляли там всю полноту власти.

Важнейшей политической силой в Ливонии был рыцарский орден. Магистр Ливонского ордена, первоначально считавшийся вассалом рижского архиепископа, постепенно выдвинулся на первое место в Ливонии. Ливонскому ордену принадлежало около половины всех земель в

стране. Его владения не составляли сплошного массива: орденские земли лежали вперемешку с епископскими. Орден был сильнее церкви, ибо он выступал как единая сила, тогда как епископы и архиепископ отстаивали свои интересы каждый в отдельности.

Третьей политической силой были большие города: Рига, Дерпт, позднее — Ревель, Нарва. Города пользовались самостоятельностью, имели своё самоуправление (магистрат), свой суд, свои законы, свою военную силу (городское ополчение).

Все эти политические образования постоянно боролись друг с другом. История Ливонии — история непрерывной острой внутривластной борьбы. Епископы боролись против городов, Орден — против отдельных епископов, города — против Ордена и т. д. В Риге, например, за власть боролись три «хозяина» — рижский архиепископ, городской магистрат и магистр Ливонского ордена.

Сложность и запутанность политических отношений в Ливонии усугублялись наличием ещё одного политического фактора на севере страны — датчан, как известно, также участвовавших в покорении Ливонии: датским крестоносным войском была завоёвана северная Эстония с городом Ревелем. Правда, в первый раз датчане владели Эстонией недолго: уже через восемь лет орденские немцы, пользуясь временным

ослаблением государственной власти в Дании вследствие феодальных междоусобиц, забрали Эстонию в свои руки. Помог здесь Ордену и тот факт, что датское крестоносное войско, захватившее Эстонию, в значительной части состояло из немецких рыцарей.

Орден владел Эстонией десять лет. За это короткое время большинство земель в Эстонии было роздано во владение немецким рыцарям, которые в дальнейшем и составили свыше 80% феодалов страны. Когда Дания благодаря посредничеству папы добилась в 1237 году возвращения Эстонии, почти все земли в стране были уже распределены. В самой Дании среди рыцарей нашлось не много желающих переселиться в далёкую Эстонию. Таким образом, феодальный правящий класс и в датской Эстонии составили в основном немцы.

За 110 лет своего господства датское правительство было хозяином в Эстонии лишь номинально. В XIII и, особенно, в XIV веках в Дании происходят постоянные внутренние междоусобицы, значительно ослабившие королевскую власть. Королям и правящим кругам Дании было обычно не до того, чтобы заниматься делами своей далёкой заморской колонии. В результате немецкие рыцари были здесь ещё более полновластными господами в своих владениях, чем их собратья в орденских землях.

Таков политический строй, установившийся в Ливонии в результате немецкого и немецко-датского завоевания. Сложностью внутривнутриполитических отношений он напоминал политический строй любой из стран феодальной Европы той эпохи. Особенность политических и социальных отношений Ливонии заключалась в другом. Весь политический и социальный строй страны был чисто надстроечным явлением, привезённым извне. Все господствующие слои феодального общества и горожане крупных городов были иноземными пришельцами. Основное, коренное население страны составило собой угнетённый класс. Гнёт феодальный являлся вместе с тем и гнётом национальным.

Эстонцы и латыши были обложены рядом феодальных повинностей, выполнявшихся в XIII и XIV веках преимущественно натурой (оброк). Постепенно и размеры повинностей и объём власти феодала над крестьянами возрастали. Для характеристики феодального гнёта в Прибалтике в XIV—XV веках интересные сведения даёт Бальтазар Рюссов, немец, священник и патриот немецкой Ливонии, отнюдь, казалось бы, не заинтересованный в том, чтобы стучать мрачные краски в изображении поведения своих соотечественников. По его словам, «крестьянин не имел никакого другого права, кроме того, которое предоставлял ему помещик. . . И бедный человек не смел жаловаться никакой высшей вла-

сти на какое бы то ни было насилие и несправедливость. И если умирали крестьянин и его жена, оставив детей, то опека над детьми учреждалась такая, что господа брали к себе всё, что оставалось после родителей, а дети должны были находиться нагие и босые у очага помещика... И если крестьянину случалось немного провиниться, то его помещик, без всякого милосердия и человеческого чувства, приказывал раздеть донага и, не щадя возраста, его стегали длинными, острыми розгами... Бывали и такие дворяне, которые выменивали своих бедных крестьян на собак и гончих. Такое и подобные своеволия, несправедливости и тиранства должны были терпеть и переносить от дворян бедные крестьяне этого края, оставленные властями без всякого внимания».

Феодальный гнёт принял наиболее тяжёлые формы в датской Эстонии, где немецкие феодалы, пользуясь слабостью датской власти (датских наместников), считали себя полными и безраздельными владыками над своими крестьянами. Доведённые до крайности, эстонские крестьяне в начале 40-х годов XIV века попытались найти справедливость у своего феодального сюзерена: они послали делегацию к датскому королю с жалобой на притеснения со стороны немецких феодалов. В жалобе эстонцы писали, что феодалы-немцы «поругали честь их жён, насильовали их дочерей, отнимали у них имущество и превра-

щали их самих в рабов». Послание заканчивалось гордыми словами: «Лучше умереть, чем влачить жалкое существование под таким ярмом». Таково было решение передовой части эстонского народа. И когда попытка обратиться к датскому королю кончилась неудачей (делегаты были задержаны орденскими властями и не смогли добраться до Дании), эстонский народ выполнил своё решение, прибег к последнему средству: взялся за оружие, чтобы победить или умереть.

В Юрьеву ночь (с 22 на 23 апреля) 1343 года на высоком холме в области Гаррия, в центре Эстонии, запылал огромный костёр. Это был сигнал к восстанию. И в одну ночь эстонский народ во всей центральной Эстонии поднялся на борьбу против своих угнетателей. Восстание было тщательно подготовлено, подготовлено в глубокой тайне от местных властей и от немецких феодалов. Оно застигло немцев врасплох и сразу охватило значительную территорию.

Цели восстания обнаружились в первые же его часы. По словам современника, «все, кто был немецкой крови, должен был умереть». Все немцы, оказавшиеся в районе восстания, — феодалы, их жёны, дети, слуги, монахи и т. д. — были сразу перебиты. «В падисском монастыре они умертвили 28 монахов и сожгли монастырь. Они сожгли все дворянские усадьбы, бродили по стране взад и вперёд и умерщвляли всех по-

падавшихся им немцев... Кто спасся от мужчин из жён и детей, тех убивали эстонские бабы; жгли церкви и обители...»

Восстание было с первых же часов направлено на полное уничтожение немецкого ига в Эстонии. Восставшие стремились уничтожить поголовно всех немцев, живших в этой стране, и уничтожить ненавистную немецкую церковь, являвшуюся символом немецкого владычества. Это была крестьянская война, аналогичная жакерии, происшедшей пять лет спустя во Франции, поскольку она была направлена против феодального гнёта. Но это было и нечто большее, чем просто крестьянская война: это было восстание целого народа против иноземных поработителей.

Для руководства движением восставшие избрали из своей среды четырёх вождей. В течение нескольких дней вся центральная Эстония оказалась в руках восставших. Вслед за Гаррией восстал народ в Вике.¹ «Викские эстонцы также умертвили всех немцев, коих могли найти», — рассказывает современник. По его словам, в Вике было перебито до 1800 немцев.

Восставшие в области Гаррия собрали воедино отряды и двинулись к Ревелю, крупнейшему политическому центру Эстонии, стремясь быстрыми действиями не дать врагам опомниться и

---

¹ Вик — область на крайнем западе Эстонии, против острова Эзель.

собраться с силами. Десять тысяч восставших эстов стали под стенами Ревеля и повели осаду города. Одновременно восставшие в Вике осадили центр области, город Гапсаль.

Было неизбежно вмешательство всего немецкого рыцарства в происходящую борьбу. Не рассчитывая целиком на свои силы, восставший эстонский народ снова, как и 120 лет назад, обратился за помощью к великому русскому народу.

Два посланца восставшей Гаррии отправились во Псков с просьбой о помощи. Псковские власти обещали помочь и немедленно начали подготовку к походу.

В короткое время восстание приняло такие размеры, что оно стало угрожать существованию всей рыцарской Ливонии. Магистр Ливонского ордена Бургард фон Дрейлебен решил притти на помощь своим соотечественникам в датских владениях, тем более что восстание уже перебрасывалось и на орденские земли.

Чтобы выиграть время для сосредоточения войск, магистр предложил вождям восстания приехать к нему 4 мая для переговоров в орденский замок Пайде, расположенный по соседству с восставшими областями, обещая беспристрастно рассмотреть жалобы восставших.

Вожди восстания совершили крупную тактическую ошибку: они пошли на переговоры. Когда эстонские вожди прибыли в замок Пайде,

Магистр спросил их: «почему же они убили и истребили так безжалостно немцев, как молодых, так и стариков. На это ответил один из них, что немцы так долго угнетали и притесняли их, что они не были больше в состоянии выносить и терпеть это. Магистр спросил опять, почему они убили в Падисе бедных монахов. Они ответили, что и те достаточно погрешили, и если бы они застали ещё хоть ростом в локоть немца, то и тот должен был бы умереть».¹

Эстонские вожди во время переговоров держались с большим достоинством, от имени народа бесстрашно обвиняя немцев в преступлениях. Магистр, давший ранее эстонским вождям гарантию неприкосновенности, после переговоров, кончившихся без какого-либо результата, приказал взять вождей под стражу. Произошла короткая схватка, и вожди восстания были «изрублены в куски».

Обезглавив восстание и подтянув силы, магистр перешёл в наступление. Орденовое войско двинулось на освобождение Ревеля. Разбив по пути несколько эстонских отрядов, 14 мая рыцари подошли к Ревелю. Сражение у Ревеля решило судьбу восстания.

Войско эстонских повстанцев, состоявшее из плохо вооружённых крестьян, мало знакомых с военным делом, лишённое к тому же своих во-

---

¹ Прибалтийская хроника *Реннера*. Прибалт. сборник, т. II. Рига, 1879, стр. 242.

ждей, не могло, конечно, в открытом бою держаться против великолепно вооружённых, законных в железо рыцарей, наступавших в конном строю. Битва быстро превратилась в резню. Было убито около трёх тысяч эстонцев, остальные рассеялись. Восстание сразу лишилось своих основных сил.

Современник передает нам одну любопытную деталь. Когда ревелские немцы-горожане после боя вышли из города, чтобы посмотреть на убитых врагов, из груды трупов вдруг поднялся залитый кровью эстонец и, шатаясь, бросился на проходящего немца. «Такая была у них вражда к немцам, что даже полумёртвый хотел убить ещё одного немца».

После снятия осады Ревеля магистр двинулся на выручку осаждённому Гапсалью. Эстонцы, осаждавшие Гапсаль, не стали дожидаться неравного боя и разошлись по лесам.

К двадцатым числам мая во Пскове было, наконец, собрано войско для выступления на помощь восставшим эстонцам. Медленный темп сбора этого войска был вызван существовавшей тогда во Пскове (и Новгороде) организацией вооружённых сил. В качестве постоянной военной силы Псков имел лишь небольшую дружину, достаточную для защиты своих укрепленных рубежей, но совсем недостаточную для крупных наступательных операций. В подобных случаях приходилось собирать ополчение из вооружён-

ных горожан и крестьян, что требовало обычно много времени.

В результате русские войска из Пскова смогли выступить на помощь восставшим эстонцам, когда основные силы восставших в центральной Эстонии были уже разгромлены. Лишь 26 мая русские войска перешли границу и вторглись в глубь Ливонии, в пограничную Дерптскую область. Здесь, очевидно, русские военачальники узнали о поражении восстания. Углубляться дальше внутрь Эстонии уже не имело смысла. Русское войско дошло лишь до замка Оденпе, в течение пяти дней поджигая и опустошая немецкие владения, и затем повернуло обратно.

На обратном пути псковичей нагнало войско, посланное Орденом. 1 июня произошёл бой. Псковичи простились друг с другом, говоря: «Не посралим отцов своих и дедов, потягнем¹ за своё отечество». Была сеча великая, рассказывает летописец, немцы были разбиты и отброшены.

В это время остатки эстонского повстанческого войска, разбитого под Ревелем (3—5 тысяч человек), отступали к русской границе, надеясь найти убежище на братской русской земле. Возможно, что они предполагали соединиться с русским войском, наступавшим из Пскова. Во всяком случае, псковское войско вернулось

¹ Постойм, поборемся.

на русскую территорию ранее, чем смогло произойти соединение. Отступающие эстонцы обошли с юга рыцарские войска, сосредоточенные у Оденпе, и вошли в пределы русской земли южнее Пскова, в районе города Остров. Вслед за ними в русские пределы вскоре вторглись рыцари, стремясь на русской территории окружить и взять в плен эстонцев, ушедших от их мести. Но на помощь эстонцам пришло русское войско из Пскова. Войска двух союзных народов в жестоком бою разбили рыцарей и прогнали их за русский рубеж.

Дальнейшая судьба эстонских повстанцев, нашедших убежище на Руси, неизвестна. Весьма вероятно, что большинство из них осталось жить на Псковщине, на гостеприимной русской земле. Вернуться на родину в течение многих лет они не могли: там им угрожала смертная казнь.

К началу июня 1343 года в центральной и северной Эстонии восстание было в основном уже ликвидировано. Освободительная борьба закончилась поражением, но эстонский народ не был сломлен.

На арену выступила наиболее боевая часть эстонского народа — эзельцы. Эзельские эстонцы в течение столетий играли ведущую роль в борьбе за независимость и сумели путём упорного сопротивления завоевателям отстоять часть своих старых вольностей. На Эзеле политиче-

ский гнёт немецкого ордена был несколько слабее, чем на материке.

На Эзеле, как и в центральной Эстонии, восстание было подготовлено тщательно и в глубокой тайне. В ночь на 24 июля население Эзеля поднялось, как один человек, на борьбу против немецкого ига. Здесь, как и в Гаррии и в Вике, в одну ночь были перебиты поголовно все немцы, жившие на острове (кроме немногих, спасшихся в единственном на Эзеле рыцарском замке Пойде). Немецкие попы, особенно ненавистные эстонцам, были утоплены.

Замок Пойде был немедленно осаждён. Рыцари продержались восемь дней. Надежды на помощь было мало, замку пришлось капитулировать. Вожди восстания гарантировали рыцарям беспрепятственный пропуск на материк. Но когда из ворот замка вышли те самые люди, которые в течение многих лет больше всего угнетали эзельских крестьян, повстанцы, собравшиеся посмотреть на капитуляцию, не выдержали. Началось избиение, все немцы были перебиты оружием и просто камнями. С этого момента весь остров оказался в руках восставших. Поскольку у Ордена не было флота, восставшие до наступления зимы (до замерзания проливов) могли считать себя в безопасности.

Восстание на Эзеле снова резко ухудшило положение Ордена. В центральной Эстонии ещё продолжались волнения, отряды восставших ещё

бродили по стране. Была даже произведена попытка неожиданным ударом захватить замок Феллин, один из крупнейших замков Ливонии. В такой обстановке магистр Ливонского ордена решил обратиться за помощью в Пруссию, к своему феодальному сюзерену, великому магистру Тевтонского ордена.¹ Великий магистр немедленно прислал крупное рыцарское войско общей численностью до 4 тысяч хорошо вооружённых людей.

Получив столь крупную помощь, магистр решил обеспечить невозможность повторения восстания, для чего почти поголовно истребить эстонцев в Гаррии, явившейся главным очагом восстания. Рыцарское войско было разделено на отряды, размещённые в орденских замках. В ноябре, когда все приготовления были окончены, «дал магистр Бургард своему войску приказ разорить Гаррию, истребить стариков вместе с молодыми».²

Население Гаррии уже не могло организовать решительного отпора своим врагам. Наиболее активная часть мужского населения частью была уже перебита, частью бежала в пределы русской земли. Но при вести о грозной опасности

---

¹ С 1237 года Ливонский рыцарский орден считался автономной частью Тевтонского рыцарского ордена, крупнейшего объединения немецкого рыцарства. Резиденцией Тевтонского ордена была Пруссия.

² Хроника *Реннера*.

мужественные эстонцы решили сопротивляться до конца. Два старых городища в центре области были заново укреплены и подготовлены к обороне. В них укрылись тысячи эстонцев с жёнами и детьми. Рыцарям только после отчаянной борьбы удалось овладеть обоими укреплениями. Все захваченные там эстонцы были перебиты. Было безжалостно истреблено почти всё население области. После этого в течение нескольких десятилетий Гаррия представляла собой пустыню.

Настала очередь Эзеля. В феврале, когда замёрз пролив, магистр со своим войском двинулся на остров. Здесь также последовала ожесточённая борьба, затянувшаяся до марта. Накануне оттепели эзельцы пустились на уловку: они заявили о своей покорности; но когда магистр с войском вернулся на материк, эзельцы снова восстали. Лишь на следующую зиму, в начале 1345 года, рыцарскому войску после упорной борьбы удалось принудить Эзель к повиновению.

Восстание на острове Эзель явилось лишь эпизодом в ходе борьбы. Само по себе, без участия центральной Эстонии, оно не могло привести к полной победе, к изгнанию немцев из Эстонии.

Великое эстонское восстание кончилось неудачей, как, впрочем, и все крестьянские восстания в эпоху феодализма. Это — историческая зако-

номерность. Эстонские крестьяне, плохо вооружённые, не могли выдержать длительной борьбы с хорошо вооружённым и организованным немецким феодальным рыцарством. Другой причиной неудачи восстания явилось запоздание русской помощи. Основные силы восстания были разбиты настолько быстро, что, к тому времени, когда Русь смогла выслать войско, восстание уже потерпело поражение.

В результате поражения восстания позиции Ордена усилились. Датский король, видя, что его страна не в состоянии удержать далёкую заморскую колонию, продал в 1347 году Эстонию Ливонскому ордену. С этого момента вся Ливония оказалась под властью Ордена.

Великое эстонское восстание — одно из величайших событий в истории эстонского народа. Героические традиции освободительной борьбы против иноземных завоевателей эстонский народ сохранил до наших дней.

Восстание в Эстонии в 1343—1346 гг.

V. ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

К концу XV столетия завершился двухвековой процесс объединения русских земель. Ливония граничила теперь уже не с Новгородской и Псковской боярскими республиками, а с единым русским национальным государством, включившим в себя Новгородскую и Псковскую земли.

Иван III, первый великий князь объединённого Русского государства, был ещё слишком занят внутренними делами страны, чтобы ставить большие внешнеполитические задачи, но он предвидел, что перед Русским государством неизбежно должен будет встать вопрос о выходе к Балтийскому морю, вопрос о Ливонии и её портах. И вот, по приказу Ивана III, на восточном — русском берегу пограничной реки Наровы, как раз напротив Нарвы, в 1492 году строится мощная каменная крепость Ивангород. На высоком мысу, в каких-нибудь 200 метрах от Ливонского замка, цитадели города Нарвы, выросли саженной толщины каменные стены с огромными зубчатыми башнями.

Постройкой Ивангорода Русское государство не только укрепляло свои западные границы, но ставило город Нарву и её порт под контроль русских пушек. Больше того: постройкой Ивангорода молодое Русское государство закладывало начало своей новой внешней политики, нача-

ло борьбы за балтийские берега и порты. Эта борьба развернулась полвека спустя.

В середине XVI века Ливонский орден и Русь впервые после 1242 года встретились в решающей схватке. Но соотношение сил стало уже совершенно иным, чем триста лет назад.

За 350 лет своего пребывания в Прибалтике немцы так и не сумели создать свою сколько-нибудь прочную государственность. Ливония по-прежнему была сложным конгломератом самостоятельных политических образований, возникших ещё в начале XIII века и с тех пор непрерывно боровшихся друг с другом. В сравнительно небольшой стране было девять крупных политических единиц (не считая более мелких): Орден, архиепископ, четыре епископства, города Рига, Ревель и Дерпт. Магистр Ливонского ордена лишь формально являлся феодальным главой страны. Фактически ему мало кто подчинялся кроме его собственных вассалов. Постоянная борьба городов с епископами, отдельных епископов с Орденом и т. д. проходит через всю историю немецкой Ливонии.

В XII—XIV веках такой политический порядок был для Европы вполне обычным явлением. Но в XVI веке он стал уже анахронизмом. В XV—XVI веках во всех основных странах Европы происходит процесс ликвидации феодальной раздроблённости, процесс образования централизованных национальных государств. Во Франции,

Испании, Англии, Швеции и других странах королевская власть, опираясь на городские низы, на широкие слои народных масс, на нацию, объединяет в своих руках всю страну и создаёт единое национальное государство с сильным централизованным государственным аппаратом. Аналогичные события произошли в это время и на Руси, где московские великие князья при поддержке народных масс, в первую очередь посадских (городских) людей, провели объединение всех русских земель в русское национальное государство.

В Ливонии подобный процесс был невозможен. Немцы, завоевавшие некогда Прибалтику и составившие в ней господствующий класс, так и остались пришельцами-завоевателями, чужеземцами в этой стране. Между немцами-господами и основной массой населения — эстонским и латышским народами — попрежнему лежала пропасть. Единые централизованные государства в европейских странах создавались при поддержке народных масс как результат деятельности масс, создавались образующейся нацией. В Ливонии, где феодальный класс и горожане были чужеземцами, условий для образования нации не было. При наличии национального антагонизма немецкого господствующего класса и народов Прибалтики самая идея единства страны, идея национального объединения была здесь невысказана.

Поэтому немецкие «господа» страны на 350-й год своего господства попрежнему чувствовали себя в Прибалтике гостями. Ливония была для них не родиной, а лишь местом жительства. Самое понятие патриотизма отсутствовало. Немецкие рыцари и бюргеры заботились только о своей наживе и удовольствиях.

Немецкая Ливония в XVI веке явно разлагалась. Свидетельство об этом разложении оставил нам упомянутый уже ревельский пастор Бальтазар Рюссов: по его словам, у рыцарей, дворян и священников, «вся жизнь проходила в травле и охоте, в игре в кости, в катанье верхом и в разъездах с одного пира на другой». Свадьбы, крестины, церковные праздники с пирами и беспорядным пьянством следовали один за другим. «Пьянство и роскошь не считались более пороком, а честью и добродетелью; во всех землях в то время лучшей похвалой ливонцев (ливонских немцев. — *Авторы*) было то, что они славные пьяницы». Ливонские дворяне XVI века совсем уже не походили на своих закованных в железо предков. Веселящиеся немецкие феодалы пропивали то, что зарабатывали потом и кровью их крепостные, эстонские и латышские крестьяне. Крепостное право в Прибалтике оформилось уже на рубеже XIV и XV веков (даже раньше, чем в Германии). К концу XVI века в Прибалтике, как показала перепись крестьянского населения, оставалось всего 20% свободных крестьян. Положе-

ние крестьянства постепенно ухудшалось — «господам» для их весёлой жизни требовалось всё больше денег.

Каждый крестьянин в XVI веке должен был отдавать ежегодно помещику от четверти до трети своего урожая хлебов, поставлять определённое количество яиц, кур, рыбы и т. п. на барский стол, отрабатывать со своей лошадью барщину на барском поле или лугах. Кроме того, крестьянин должен был поставлять хлеб и фураж для войска, отбывать разные государственные работы, вносить налоги и т. д. По словам одного современника, Себастьяна Мюнцера, автора «Описания всех стран», «такого жалкого и несчастного народа», как ливонские крестьяне, «не сыскать нигде под солнцем».

Мюнцер рисует яркую картину жизни ливонских крестьян XVI века: все ливонские крестьяне «суть крепостные и подвергаются самому суровому и тяжкому обращению со стороны своих господ... Если крестьянин сбежит (а это он вынужден делать из-за голода, мучений и нищеты) и будет пойман, ему отсекают ногу, чтобы он не мог больше бегать. Едят крестьяне грубый хлеб и грубую пищу, каких у нас не стали бы давать свиньям... Орденское начальство не затрудняет себя делами крестьян, предоставляя своим чиновникам распорядиться крестьянами, как они заблагорассудят. И так-то живёт себе бедный народ, и содержат его, как скот...».

Эстонцы и латыши видели за три с половиной столетия от своих немецких «благодетелей» только одно: тяжёлую, все усиливающуюся феодальную эксплуатацию. О национальном развитии, о каком-либо развитии национальной культуры при немецком господстве не могло быть и речи. Даже пресловутый «свет христианства», ради которого якобы и была некогда завоёвана немцами Ливония, так за триста пятьдесят лет и не дошёл до народных масс. По словам Рюссова, «во всей стране, которую можно сравнить с целым королевством, не было ни одного университета или хорошей школы, только в главных городах существовали ничтожные частные училища». Священник обычно был немец, «не знал местного языка, и говорил проповеди по-немецки, крестьяне же не понимали его... Потому-то язычество оставалось в силе у большей части местных ливонских жителей: из тысячи крестьян едва ли можно было найти одного, знавшего «отче наш»».

Ливонский орден был политической надстройкой, силой навязанной немцами прибалтийским народам. В XVI веке он уже превратился в гниющий нарост, препятствовавший нормальному развитию страны.

Совсем иную картину представляло в XVI веке русское национальное государство. Оформившееся за полстолетия до этого времени, к середине XVI века оно окрепло, прочно стало на ноги, заняло колоссальную территорию от

Каспия до Ледовитого океана и от Чудского озера до Урала. Оформился сильный централизованный государственный аппарат. Сложилось новое социально-политическое устройство государства: самодержавная власть московских царей создала себе мощную опору в виде нового феодального сословия — дворян или служилых людей.

По-новому стали формироваться вооружённые силы: дворянское ополчение составило теперь основную часть армии. Была введена, по западному образцу, пехота, вооружённая огнестрельным оружием, — стрельцы.

Объединение разрозненных русских княжеств в единое государство и связанные с этим прекращение разорительных феодальных войн и безопасность торговых путей создали условия для быстрого развития народного хозяйства страны. Увеличивается внутренняя торговля, развиваются различные промысла и ремёсла, растут торгово-ремесленные города. Возрастает производство товаров, находящих себе сбыт за пределами Руси. Создаются все условия для быстрого развития внешней торговли.

Путь для внешней торговли до середины XVI века у Руси был один — Балтийское море. Во времена новгородской независимости торговля с Западом шла в основном через Новгород и Неву на иностранных судах и при посредстве иностранных купцов.

С конца XV века ведущая роль в торговле Руси с Европой перешла в руки Пскова. Но псковская торговля с Западной Европой осуществлялась не в самом Пскове, а при посредстве приморских торговых городов Ливонии — Нарвы, Ревеля и крупнейшего торгового города внутри Ливонии — Дерпта. В XVI веке наблюдается быстрый рост этих городов, ставших центрами русской транзитной торговли. Растёт и Рига, куда везли товары из русских земель, лежащих по течению Западной Двины. По словам Рюссова, «в ливонских городах между русскими и ливонскими торговыми людьми шла такая оживлённая торговля, особенно в Риге и Ревеле, что трудно было найти лучшую в других землях и городах... Рига и Ревель имеют такие превосходные торговые ряды, амбары и штапели (места для складывания товаров) для всех наций, государств и земель, подобных которым не найти ни в одном городе по всему берегу Балтийского моря».

С развитием транзитной торговли, к середине XVI века Нарва, Дерпт, Ревель и Рига в известной мере превратились уже в вывозные и ввозные порты России, в необходимые артерии русского народнохозяйственного организма. Будущее этих городов зависело от того, насколько интенсивно торговля русскими товарами сможет развиваться дальше.

Ливонские порты были нужны Руси не только для торговли. Через эти порты осуществлялись вообще все сношения Русского государства с Западной Европой. За годы татарского ига Русь в техническом отношении отстала от европейских стран. Для огромного Русского государства, для его многотысячного войска требовался постоянный приток из Европы специалистов, способных наладить новые производства, изготовление новых видов оружия, необходимых для перевооружения русских войск по современному образцу.

Правящие круги Ливонского ордена со страхом смотрели на растущую мощь Русского государства и старались всеми средствами препятствовать проникновению на Русь европейской техники и военного искусства, задержать европеизацию Руси. Ливонцы стали не пропускать на Русь предметы вооружения, не пропускать иностранных мастеров и специалистов. Начинается блокада русской земли. 123 мастера-иностранца, набранные в Европе агентом московского правительства, Гансом Шлитте, были задержаны по требованию Ливонии в Любекском порту перед отправкой через Балтийское море.

К середине XVI века стало ясно: пока Ливония находится в руках Ордена, нормальное развитие сношений с Европой через ливонские порты невозможно.

Ливонский орден сделался тормозом исторического развития Русского государства. Столкновение становилось неизбежным.

Иван Грозный, крупнейший политик своего времени, понимал, что от овладения ливонскими портами зависит будущее его страны. И он принимает решение: овладеть Ливонией, вывести Русь на широкую дорогу общественного, экономического и культурного развития. Это решение стало основным делом жизни Грозного. Борьба за Ливонию заняла свыше двадцати пяти лет его царствования.

Повод для начала наступления на Ливонию был найден без труда. Это был вопрос о ливонской дани.

В 1553 году истёк срок перемирия между Русью и Ливонией,¹ заключённого в 1503 году на пятьдесят лет. В 1554 году в Москву прибыли ливонские послы для переговоров о продлении перемирия. Московские дипломаты тщательно подготовились к приёму посольства; весь ход переговоров явился блестящим образцом деятельности русской дипломатии XVI века.

---

¹ Московские дипломаты считали, что с юридической точки зрения Русским государством может быть заключено с Ливонией только перемирие — мирное соглашение временного порядка, ибо ливонские орденские власти являются лишь временными обладателями страны, постоянный законный хозяин которой — Русское государство.

Ливонским послам сразу же было заявлено: перемирие может быть продлено лишь в том случае, если Ливония выполнит одно из своих основных обязательств по предыдущему соглашению — уплату дани с населения Дерптской области. Эта дань выплачивалась Дерптской областью русским с очень давних времён, безусловно с XIII века, скорее всего — с 1234 года.¹ Последние 50 лет немцы перестали платить эту дань. Правительство Ивана Грозного категорически потребовало: возобновить уплату дани и возместить всю недоимку, накопившуюся за 50 лет.

Ливонские послы были совершенно ошеломлены этим требованием. Они начали было уверять, что они ничего не знают ни о какой дани, что подобной дани вообще не существовало и не могло существовать. Тут московские дипломаты проявили себя во всём блеске. Они предъявили послам подлинную грамоту с текстом перемирия 1503 года, где чёрным по белому был записан пункт о дани. Против этого трудно было что-нибудь возразить. А затем ливонские послы услышали ставшие впоследствии знаменитыми слова, сказанные ближайшим помощником Грозного в дипломатических делах Алексеем Адашевым: «Неужели вы не знаете, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, вторгнулись в отчину великих князей Русских,

---

¹ См. выше, стр. 48.

за что много крови проливалось; не желая видеть разлития крови христианской, предки государевы позволили немцам жить в занятой ими стране с условием, чтобы они платили дань великим князьям; но они обещание своё нарушили, дани не платили, так теперь должны заплатить все недоимки». В этих словах содержалась уже хорошо продуманная, вполне законченная политическая теория, на основе которой Иван Грозный начинал борьбу за обладание Ливонией. Ливония — исконное владение, старинная «отчина» Русского государства; немцы-завоеватели являются в ней лишь временными хозяевами; дерптская дань, существовавшая с начала немецкого завоевания, есть символ верховных прав Русского государства на Ливонскую землю.

Все дальнейшие переговоры, а затем переход к военным действиям Иван Грозный проводил как осуществление своей теории. Русское государство, законный владелец Ливонии, предъявляло теперь свои верховные права на эту страну.

Ливонские послы, припёртые к стенке, вынуждены были согласиться на уплату дани в течение трёх лет. Московские дипломаты заставили их также принять в числе условий перемирия обязательство не заключать союза с Литвой и Польшей. На этих условиях было подписано перемирие на три года.

По дороге в Ливонию послы убедились, что «московит» не шутит: везде были следы грандиозных приготовлений к возможной войне. По рассказам послов, дорогою им «встречались тысячи саней с различным провиантом, фуражем, порохом, свинцом и оружием, которые направлялись к границе; также все почтовые дворы, расположенные друг от друга на расстоянии 4-х или 5-ти миль, были отстроены заново с двойным числом жилых помещений и с большими конюшнями, в которых можно было поставить до 50, и даже до 100 и более лошадей, а также были вновь построены мосты от Москвы до Пскова».

Несмотря на всё это, ливонские правящие круги не осознали ещё всей опасности создавшегося положения. Они даже как-то совершенно и не думали об этой опасности, продолжая свои мелкие дразги.

Когда стал истекать срок перемирия, ливонские послы снова прибыли в Москву с довольно наивной просьбой... сложить дань с Ливонии. Конечно, послов без долгих разговоров отправили обратно. В Ливонию был послан ультиматум, и сорокатысячное русское войско двинулось к границе.

К Пскову и Ивангороду шли войска со всех концов страны: из центральной Руси, с Поволжья, из ногайских степей и даже с предгорья Кавказа. Вслед за русскими полками двигались

конные отряды подвластных Москве народов: татар, ногайцев, черемисов, черкесов. На военную мобилизацию такого огромного масштаба, по мнению академика Р. Ю. Виппера, не было способно в то время ни одно из европейских государств.

Незадачливые ливонские правители прислали новое посольство для уточнения суммы, какую надлежит внести. Когда же от послов потребовали денег, оказалось, что и на этот раз они приехали с пустыми руками. Терпению Грозного пришёл конец. Послов снова отправили назад, а перед отъездом позвали во дворец и подали им пустые блюда. Вслед за послами ехали царские гонцы; по приказу царя в январе 1558 года русские войска перешли границу.

Но это была ещё не война; Грозный всё ещё не терял надежды мирным путём привести Ливонию к покорности. Это была лишь своего рода карательная экспедиция. Московские конные полки прошли на полтораста вёрст в глубь Ливонии, сжигая и опустошая немецкие владения, но не останавливаясь на пути. Нигде они не встретили никакого сопротивления: немцы спрятались за стенами городов и замков.

Только теперь ливонские власти схватились за голову. Только теперь они осознали, что дело идёт о жизни и смерти, и стали, наконец, собирать деньги. С большим трудом были собраны требующиеся для уплаты 60 тысяч талеров,

и последнее ливонское посольство поехало с ними в Москву. Но было уже поздно. В это время события зашли так далеко, что их уже нельзя было остановить.

В марте 1558 года гарнизон Ливонского замка, цитадели города Нарвы, начал без всякой причины обстрел Ивангорода (лежащего, как уже говорилось, на противоположном берегу Наровы) и спровоцировал таким путём начало военных действий. Ивангородские воеводы послали гонца в Москву с запросом: что им делать? От царя был получен приказ, и 1 апреля 1558 года Ивангородская крепость начала из всех своих пушек ответный артиллерийский обстрел Нарвы. Война началась.

Для Ордена и орденского государства начавшаяся война явилась последней и самой позорной из всех его войн. Быстро стали исчезать последние остатки внутреннего единства; каждый думал только о себе. Напрасно бургомистр осаждённой Нарвы обращался во все концы страны с мольбами о помощи; по его словам, никто «даже яйца» не прислал осаждённому городу. Только Ревель прислал своему младшему собрату отряд кнехтов.¹ Но в Нарве не было денег, и кнехты, не получая жалованья, вскоре ушли обратно.

---

¹ Наёмных солдат.

11 мая от обстрела в Нарве вспыхнул пожар. Воспользовавшись возникшей суматохой, русские воины выломали ворота и ворвались в город. Гарнизон укрылся в Ливонском замке, бросив на городских стенах все пушки. Пушки были сразу же захвачены и обращены на замок. Не выдержав двойной канонады — из Ивангорода и с городских стен, — к вечеру гарнизон замка капитулировал. Нарва с её портом оказалась в руках русских.

Взятие Нарвы было первой и, пожалуй, самой важной победой русских в Ливонской войне. Русское государство получило первоклассный морской порт с пристанями, складами, торговыми помещениями, с хорошо налаженными торговыми связями с крупнейшими городами Запада. Нарвским купцам сразу был предоставлен ряд привилегий, разрешена свободная и беспошлинная торговля со всей Россией, с Германией и т. д. В первую русскую гавань на Балтике устремились корабли со всех концов Европы. Завязалась оживлённая торговля с городами северной Германии, объединёнными в Ганзейский союз, с Англией, Голландией, Шотландией, испанскими Нидерландами (Бельгией), Францией, Данией. Десятки торговых кораблей привозили в Нарву продукты европейского мануфактурного и ремесленного производства, везли из Нарвы меха, воск, лён, пеньку, сало, дёготь и т. п. В отдельные годы в Нарву при-

ходило до 70 кораблей. Европейских товаров в Нарве скапливалось так много, что они там иногда стоили даже дешевле, чем в Европе. Особо важное значение для Руси имел ввоз оружия.

Сразу после взятия Нарвы развёртываются события, сыгравшие большую роль в ходе войны. В Нарве эстонцы и латыши «все добились челом и правду государю дали, что им быти неотступно у царя и великого князя и его детей во веки». Вскоре был взят лежащий к югу от Нарвы город Сыренск (Нейшлот). Сюда собрались эстонские крестьяне «изо всего Сыренского уезду» и тоже «приложились к государю». В июле к воеводе Петру Шуйскому эстонцы и латыши «прислали бити челом из четырёх городков, из Рынголя, да из городка из Конгота, да из Ковлета, да из Рянденя: ¹ князьцы у них збежали»; при вести о приближении «москвитов» немецкая орденская администрация бросила подвластные ей четыре города и бежала, а местное население направило посла к русскому воеводе и пригласило к себе русские войска. В дальнейшем и при взятии Везенберга, и при взятии Лаиса, и при взятии почти каждого ливонского города эстонцы и латыши добровольно передаются в подданство Русского государства.

---

¹ Ринген, Конгота, Кавелехт и Ранден — небольшие городки в Дерптской области к западу от Дерпта.

Это событие имело огромное политическое значение. Эстонский и латвийский народы сразу, при первом появлении русских войск, без колебаний перешли на сторону Русского государства, зная, что русские ведут войну только против немцев, против немецкого феодального государства в Ливонии. Переход эстонского и латышского населения на сторону русских решал судьбу Ордена, орденского государства. Орден не мог в борьбе с наступающими «московитами» обратиться за помощью к массам, поднять широкие слои населения на борьбу. На стороне Ордена осталось лишь немногочисленное немецкое население страны — дворянство и горожане. Поэтому Орден мог собрать лишь ничтожное количество войска и должен был возлагать главную надежду на прочность своих крепостей и замков.

Эстонцы и латыши оказывали большую помощь русским войскам. Они добровольно служили проводниками, сообщали о передвижениях немецких войск и т. д. Вскоре после взятия Нейгаузена к русским воеводам пришли два латыша и сообщили, что магистр и епископ, стоявшие с войском у Керепети (Киррумпе), получив известие о взятии Нейгаузена, со всем войском ушли к югу, и в городе остался совсем небольшой гарнизон. Русские войска сразу же двинулись к Керепети и без труда взяли город.

Заняв ряд мелких городов, сорокатысячное русское войско подошло к Дерпту, старинному русскому Юрьеву, крупнейшему (после Риги и Ревеля) городу Ливонии. Началась осада Дерпта.

Главной военной силой города дерптский епископ считал своих вассалов, «епископских дворян». ¹ Но большая часть дворян бежала из Дерпта при одной вести о приближении «москвитов». Оставшиеся дворяне попросили разрешения сделать вылазку против русских. Но, выйдя из городских ворот, они тоже повернули в сторону, противоположную русскому лагерю, и скоро исчезли из виду.

Епископ послал гонца к магистру с просьбой о помощи. Но магистр смог собрать к этому времени лишь несколько тысяч рыцарей и кнехтов и не мог рисковать нападением на сорокатысячную русскую рать; он пообещал лишь молиться о спасении города.

Немцы-горожане вначале отчаянно отстаивали город. Но когда стало ясно, что помощи ждать неоткуда, их боевой пыл стал спадать. В ночь на 15-е июля русские из подкопа взорвали часть городской стены. Городские власти, видя, что русские вот-вот ворвутся в город в образовавшийся пролом, решили прекратить сопротивление.

---

¹ Дворяне, владевшие поместьями на епископской земле с обязательством служить в войске епископа.

Взятие Дерпта было блестящей победой русской армии. Большой европейский город, превосходно укрепленный, смог только четыре дня сопротивляться натиску русских воинов. В Дерпте были взяты 550 орудий, много боеприпасов и другие крупные трофеи.

После взятия Дерпта с особенной яркостью проявилась политическая линия, которую московское правительство проводило в этой войне. За весь XVI век Дерпт был едва ли не единственным взятым после сопротивления большим городом, который не был отдан на разграбление победителям.

Богатством своих жителей Дерпт славился далеко за пределами Ливонии. И тем не менее русские ратные люди не тронули в городе ни одного человека. По приказу воеводы, князя Петра Шуйского, войскам было строжайше запрещено трогать имущество граждан и даже заходить в дома. Московские дворяне, посланные Шуйским, всё время разъезжали по городу, спрашивая, нет ли каких-либо обид.

Всем бюргерам, пожелавшим покинуть город, был предоставлен беспрепятственный пропуск вместе со всеми ценностями, какие они смогут унести.¹ Городу были оставлены все его права

---

¹ Но как только эти бюргеры добрались до местностей, занятых «своими», немецкие рыцари и кнехты ограбили их до нитки.

и привилегии, самоуправление, предоставлено право свободной беспошлинной торговли с Россией. Значительная часть населения города, издавна имевшая торговые связи с русскими городами, сочувственно отнеслась к переходу под власть Москвы.

Подобная политическая линия должна была продемонстрировать всей Прибалтике, что русские войска не завоёвывают страну, а возвращают свои исконные владения. Так же русские поступали и в других занимаемых ими городах и сёлах. Московские отряды грабили и жгли немецкие поместья, уничтожая всех их жителей от дворян до слуг, но старались не трогать эстонские и латышские деревни. Известно даже, что после взятия Нарвы нарвский воевода доставил окрестным крестьянам, разорённым за время военных действий, зерно для посева, дал хлеба, быков и лошадей.

В следующем году русское войско сделало опустошительный набег через всю Ливонию до самой Риги. Одновременно русские конные полки побывали под Ревелем. В соседней Гаррии при приближении русских полков началось крестьянское восстание, направленное против немецких феодалов. По словам Рюссова, «крестьяне восстали против дворян из-за того, что должны были давать дворянам большие подати и исполнять тяжёлые повинности... Поэтому они не хотят больше подчиняться дворянам и ис-

полнять для них какие-либо повинности, но они хотят быть совершенно освобождены от этого, а если нет, то перебьют всё дворянство». Восставшие эстонцы действительно перебили всех дворян, попавших им в руки. Остальные дворяне спаслись в замке Лоде. Лоде был осаждён восставшими. В Ревель, к ревельским горожанам восставшие послали гонца с предложением союза против дворян. Но ревельские немцы-горожане стали уговаривать восставших прекратить борьбу.

Тем временем напуганные феодалы и рыцари собрали небольшой, но хорошо вооружённый отряд и неожиданно напали на восставших эстонцев у замка Лоде. Крестьяне, вооружённые очень плохо, были разбиты. Вожди восстания были захвачены в плен и казнены. Восстание было подавлено до соединения восставших с русскими военными силами.

Магистр Ливонского ордена в обстановке всеобщего развала делал отчаянные попытки собрать сколько-нибудь значительное войско. Рыцари и дворяне, привыкшие к пирам и празднествам, оказались совершенно небоеспособными. Всеми силами они уклонялись от опасности и службы, прячась в городах. Магистр стал закладывать замки и целые города соседним государствам и на вырученные деньги нанимать солдат. Лишь таким путём ему удалось собрать некоторое количество войска.

В бою под Эрмесом войско Ливонского ордена в последний раз встретилось с русскими в открытом поле. Во главе немецкого войска был ландмаршал Бель, наиболее храбрый и талантливый среди руководителей Ордена. Немцы ударили на русский лагерь после полудня, когда русские отдыхали. Но русские воеводы быстро организовали отпор. А затем несколько эстонцев из местных крестьян провели сильный русский отряд лесными тропами в тыл немцев. В разгар боя на немецкое войско обрушились сзади из леса свежие русские силы. Войско Ордена было разбито наголову. Самого ландмаршала взяли в плен и отправили в Москву.

В августе 1560 года русские войска осадили Феллин, сильнейшую крепость Ливонии. Здесь находился последний магистр Ливонского ордена Фюрстенберг и отряд кнехтов — последняя боевая сила Ордена.

Целый месяц оборонялся неприступный Феллин. Наконец, немецкие наёмники, долго не получавшие жалованья, взбунтовались. Напрасно магистр предлагал им вместо денег свои драгоценности. Наёмники забрали его драгоценности и сдали крепость русским с условием свободного пропуска.¹ Когда русские вошли в

---

¹ Русские войска действительно отпустили немецких наёмников на все четыре стороны, но при выходе отобрали у них наворованные драгоценности.

Феллин, они были поражены: крепость с тремя рядами каменных стен и глубокими рвами, с большим запасом провианта и 450 орудиями могла сопротивляться годами.

Последний магистр Ливонского ордена Фюрстенберг был взят в плен и отвезён в кандалах в Москву, где его водили по улицам напоказ народу.

После этих ударов Ливонское государство развалилось, как карточный домик. Кетлер, вставший во главе остатков Ордена, передал остатки орденской территории под власть польского короля. Ревель со своей областью отдался под покровительство Швеции, остров Эзель — Дании. Ливонский орден прекратил своё существование.

Распад орденского государства под ударами русских войск, завоевание Нарвы и открытое стремление Москвы к завоеванию всей Ливонии вызвали большое волнение в Северной и Восточной Европе. Правящие круги Польши, Швеции, германских княжеств смертельно боялись новой могущественной державы, вступившей в борьбу за Балтику, боялись, зная, какие огромные возможности таятся на Руси, уже тогда самом большом государстве Европы. С ужасом думали они: что будет, если Русь, при её неисчерпаемых людских и материальных ресурсах, освоит европейскую технику и европей-

скую культуру, если русские заведут свой торговый и военный флот.

Польский король Сигизмунд-Август, требуя от англичан прекращения торговли с Русью через Нарву, писал в письме к королеве Елизавете Английской: «Московский государь ежедневно увеличивает своё могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное; привозят не только произведения художеств, но приезжают и сами мастера, посредством которых он приобретает средство побеждать всех».

Война вступает в новую фазу. Начинается борьба за Ливонию четырёх крупнейших государств Северной и Восточной Европы: Польши,¹ Швеции, Дании² и Руси. Война затянулась ещё на двадцать три года.

В резко осложнившейся международной обстановке московское правительство поставило себе задачу путём дипломатических переговоров сталкивать соперников друг с другом, чтобы иметь одновременно не больше одного противника. Первоначально это ему удавалось.

---

¹ Польша и Литва были в то время двумя союзными государствами под властью одного короля; в 1569 году, во время Ливонской войны, завершилось слияние Польши и Литвы в одно Польско-Литовское государство.

² Под властью Дании находилась в то время и Норвегия.

На первом этапе борьбы Москва вела войну только против Польши. В 1563 году началась семилетняя шведско-датская война из-за Ревеля и спорных владений на Скандинавском полуострове, во время которой оба государства нуждались в хороших отношениях с Россией.

В борьбе против Польши Русское государство сначала одерживает ряд крупных успехов. В 1563 году был взят Полоцк, старинный русский город и крепость на Западной Двине; русские вплотную подошли к границам Литвы. Польское правительство обратилось к Ивану Грозному с предложением о заключении мира на условиях сохранения за обеими сторонами тех территорий, которые фактически в этот момент находились в их руках (в таком случае за русскими оставались Нарва и Дерпт). Царь созвал на Земский собор выборных людей от основных сословий Русской земли,¹ чтобы выяснить их настроение. Земский собор решительно высказался за продолжение войны до полной победы, до завоевания всей Ливонии.

В конце 60-х годов, в связи с обострением политической борьбы внутри Московского государства, успехи русских приостановились. В Ливонии наступило временное равновесие сил, при

---

¹ Кроме, разумеется, феодально-зависимых крестьян, не пользовавшихся политическими правами.

котором ни русские, ни поляки, ни шведы не могли перейти в решительное наступление.

В 1570 году международная обстановка сложилась благоприятно для Руси. С Польшей было заключено перемирие на 3 года; в Швеции произошёл государственный переворот, и новый король был занят укреплением своей власти внутри страны. Иван Грозный решил воспользоваться этим. Он выдвигает перед своими войсками задачу — захватить Ревель. С занятием Ревеля русские получали в свои руки крупнейший порт Прибалтики, большой торговый город с мощными укреплениями и с собственным флотом, являвшийся ключом ко всей западной Эстонии. С занятием Ревеля Русь становилась морской державой, а Швеция лишалась своей опорной базы в Ливонии и должна была бы отказаться от дальнейшего участия в борьбе. Завоевание Ревеля должно было дать русским решительный перевес сил, необходимый для победоносного окончания войны.

В августе 1570 года началась осада Ревеля. Войска Грозного со всех сторон обложили город с суши, вели непрерывную бомбардировку, ходили на приступ. Но у русских не было флота, осуществить полную блокаду города им не удалось, а без этого основного условия взять город было невозможно; Ревель непрерывно получал с моря подкрепления, продовольствие и

боеприпасы; в марте 1571 года осаду пришлось снять.¹

В январе 1577 года Иван Грозный снова послал свои войска на Ревель. Шесть недель длилась непрерывная бомбардировка города. Но город попрежнему не удалось блокировать с моря; вторая осада Ревеля опять кончилась неудачей. Эта неудача уже предопределяла исход войны.

Летом 1577 года Грозный делает последнюю попытку добиться решительной победы. Он лично ведёт тридцатитысячное войско в южную Ливонию.

Десятки городов и замков были взяты штурмом, а в некоторых случаях добровольно сда-

---

¹ Чтобы привлечь на свою сторону Ревель, Ригу и другие города западной и южной Ливонии, Иван Грозный решил прибегнуть к новым политическим методам. Он объявил Ливонию королевством, вассальным по отношению к Москве. Королём Ливонии был объявлен брагдатского короля, принц Магнус (этим был обеспечен дружественный нейтралитет Дании). Ливонии было обещано самоуправление, сохранение всех прав и привилегий за сословиями и городами. Ливонский «король» Магнус принял участие в осаде Ревеля. Но попытки Магнуса склонить на свою сторону немецкое население Ревеля не увенчались успехом. Неудача под Ревелем сразу охладила Грозного к идее Ливонского королевства. Хотя Магнус носил титул «короля» и участвовал в политической борьбе на стороне Москвы вплоть до 1577 года, фактическая власть в завоёванной части Ливонии так и не была ему передана; завоёванными ливонскими городами управляли попрежнему московские воеводы.

лись русским. К концу похода почти вся Ливония к северу от Двины оказалась в руках русского царя. Конные отряды «москвитов» доходили до окрестностей Риги.

Но это были последние успехи Грозного в Ливонской войне, успехи, которые уже трудно было закрепить. Россия была страшно истощена от огромного напряжения всех сил, вызванного войной, длившейся уже двадцать лет. Людские резервы были на исходе, целые области были опустошены от бесконечных наборов и передвижений войск. Русское государство в годы войны пережило острый внутренний кризис в результате организации опричнины. Сил для удержания завоеваний уже не было.

Поэтому, когда в 1579 году Польша перешла в наступление и Русскому государству пришлось вести войну сразу и с Польшей и с Швецией, начались поражения русских. Польские и шведские войска, владея более совершенным вооружением и более передовыми методами ведения боя, в течение трёх-четырёх лет отвоёвывают у русских большую часть Ливонии. Стефан Баторий с большим войском вторгся в русские пределы, осадил Псков. Иван Грозный вынужден был отказаться от своих завоеваний в Ливонии. Титаническая борьба, затянувшаяся на четверть века, кончилась поражением. Русскому государству в XVI веке не удалось вернуть свою прибалтийскую «отчину», не удалось

пробраться к Балтийскому морю. Но самая постановка этой задачи, отныне важнейшей задачи русской внешней политики, является исторической заслугой Ивана Грозного.

Выполнить эту задачу удалось Петру I сто тридцать лет спустя.

Выход Русского государства из войны отнюдь не означал конца борьбы за Ливонию. По мирным договорам Ивана Грозного 1582 года — с Польшей и 1583 года — с Швецией первая получала южную Ливонию (включая Дерпт), вторая — северную часть страны. Очень скоро между победителями началась ожесточённая борьба из-за добычи. Начались бесконечные польско-шведские войны, затянувшиеся до 1660 года. Таким образом, свыше ста лет Прибалтика постоянно была театром военных действий. Войны и связанные с ними опустошения, налоги, военные постои не могли не повлиять на экономическое развитие страны и на положение народных масс.

В 1656 году Русское государство вновь вмешалось в борьбу за Ливонию, сделало вторую попытку вернуть свою прибалтийскую «отчину» и пробраться к морю. Русские войска при участии царя Алексея Михайловича вторглись в Ливонию, взяли Дерпт, осадили Ригу. Но в ходе военных действий быстро выявилась военная отсталость Руси. Русская артиллерия не смогла

одолееть стен Риги. После первых случайных успехов начались поражения русских войск. Войну пришлось прекратить, не добившись цели.

В результате длительной борьбы за Прибалтику победителем оказалась Швеция, подчинившая себе обе основные части Прибалтики: Эстляндию (Эстонию) и Лифляндию (Латвию).

Многолетняя борьба за Ливонию почти не отразилась на социальных и национальных отношениях внутри страны. Немецкие дворяне в Лифляндии служили верой и правдой сначала Польше, затем Швеции; немецкие дворяне в Эстляндии больше ста лет верно служили шведской короне. Благодаря этому немецкое дворянство оставалось господствующим классом, сохранило свои права и привилегии, свою власть над закрепощённым эстонским и латышским крестьянством. Положение угнетённых прибалтийских народов к началу XVIII века было почти таким же, как во времена господства Ливонского ордена.

VI. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИБАЛТИКИ ПЕТРОМ I

В начале XVII века, во время польской интервенции, воспользовавшись тем, что Русское государство истекало кровью в борьбе с польско-шляхетскими войсками, временно занявшими Москву, шведы захватили берега Невы — небольшой кусок морского побережья, с древнейших времён находившийся в составе русской земли. Шведский король, знаменитый полководец Густав-Адольф, с торжеством заявил: «Русские совершенно отрезаны от Балтийского моря, так что они на волны его не могут спустить даже и лодки».

В течение всего XVII века Русское государство было лишено выхода к Балтийскому морю. В руках русских оставался лишь Архангельский порт, всего несколько месяцев в году свободный ото льдов, далёкий и от Европы и от основных областей России. Торговые и культурные сношения через прибалтийские порты, находившиеся в руках шведов — Ригу, Ревель, Нарву и построенный шведами на Неве Ниеншанц, — развивались плохо. Торговать через эти порты было для русских купцов совершенно невыгодно: вся прибыль оставалась в руках шведов и подвластного им прибалтийского купечества. Мешали развитию торговли и пошлины, взимаемые шведами за транзит русских товаров, и неуверенность — дойдут ли товары по назначению

при небезопасности путей и постоянной напряжённости русско-шведских отношений.

Отрезанная от внешнего мира, Русь должна была развиваться по своему собственному пути, отдельно от общего пути развития европейских стран. Огромные богатства многовековой европейской культуры были мало известны на Руси. Лишённая связи с Западом, Русь развивалась слишком медленно.

К концу XVII века вопрос о выходе к морю, о возвращении берегов Балтики стал вопросом жизни для Русского государства. Только таким путём можно было наладить тесную связь со всеми европейскими странами. Только тогда Россия получала возможность развиваться по тому же пути, по которому шли все европейские государства, и занять подобающее ей место среди великих держав своего времени.

К. Маркс, характеризуя положение России в этот период, писал: «Ни одна великая нация не находилась в таком отдаленном от всех морей положении, в каком пребывала первоначально империя Петра Великого; никто никогда не мог бы представить себе великую нацию, оторванной от морских побережий и от устьев ее рек». ¹

---

¹ К. Маркс, История секретной дипломатии XVIII века, гл. VI, Лондон 1899.

Вставший во главе России в конце XVII века Пётр I понимал, что единственный путь, чтобы вывести страну на широкую дорогу общественного, экономического и культурного развития,— это пробиться к морю.

Возвращение берегов Балтики Пётр, по примеру Ивана Грозного, сделал главной задачей своего царствования. Почти все реформы Петра были так или иначе связаны с выполнением этой основной задачи. Маркс говорит о Петре: «все его жизненное дело зиждется на завоевании Балтийского побережья».¹

Великая Северная война за берега Балтийского моря началась в 1700 году. На стороне России стояли Польша, Дания и Саксония. Их противник Швеция была к тому времени одной из самых сильных военных держав Европы. Шведская армия в течение почти ста лет не знала поражений и считалась лучшей в Европе. Шведский флот господствовал в Балтийском море, почти все берега которого с первой половины XVII века находились в руках шведов.² Молодой шведский король Карл XII в ходе

---

¹ К. Маркс, История секретной дипломатии XVIII века, гл. VI.

² До XVII века в руках шведов уже находились (кроме Швеции) Финляндия (с XIII века) и Эстляндия (с Ливонской войны). В первой половине XVII века шведы захватили Лифляндию и Померанию (центральную часть Балтийского побережья Германии с портами Штеттин и Штральзунд).

войны показал себя как крупнейший полководец своего времени.

Начиная войну, Пётр поставил перед своими войсками ту же первую оперативную задачу, что и Иван Грозный в начале Ливонской войны, — овладеть Нарвой, ближайшим к России морским портом Прибалтики. В сентябре 1700 года русские полки, перейдя границу, подошли к Нарве. Вскоре к войску прибыл сам Пётр. Началась осада города.

Нарва была хорошо укреплена, окружена толстыми каменными стенами. Русское войско насчитывало до 40 тысяч человек, но из них лишь два гвардейских полка — Преображенский и Семёновский — были вооружены и обучены по европейскому образцу. Остальные полки были ещё плохо обучены и вооружены; в их числе были и стрельцы и иррегулярная дворянская конница с допотопным вооружением и тактикой.

Нарву окружили земляными шанцами; 20 октября начался обстрел города. Но русская артиллерия была ещё слишком слаба и не могла справиться с мощными каменными стенами. После двухнедельной бомбардировки обнаружился недостаток ядер; до подвоза ядер бомбардировку пришлось прекратить.

Шведский король Карл XII, узнав, что русские объявили войну и подступили к Нарве, немедленно двинулся с войском навстречу врагу.

Он быстро переплыл море, высадился в Пернове с 8 тысячами отборных солдат и пошёл на восток, на выручку осаждённой Нарвы. Утром 19 ноября войска Карла XII напали под Нарвой на русскую армию.

Петра при армии уже не было: он уехал в Псков торопить приход подкреплений. Наёмные иноземные генералы, оставшиеся во главе русских сил после отъезда Петра, не сумели воспользоваться численным превосходством русских над шведами. Русская армия встретила шведов в своём укрепленном лагере. Но укрепления лагеря были устроены очень неудачно. Лагерь растянулся на семь вёрст и был защищён с фронта невысоким валом и рвом. За валом стояла редкая, растянувшаяся на семь вёрст, линия русских солдат. Только в отдельных пунктах русские силы были сосредоточены более плотно. Вдобавок начался сильный западный ветер, и густой снег с градом стал бить в лицо русским; временами в двадцати шагах ничего нельзя было различить.

Шведы незаметно подошли к русским укреплениям, без труда перешли ров и ворвались на вал. Линия русских солдат была сразу прорвана. В лагере началось смятение.

Тысячи русских солдат бежали к реке Нарове, к мостам и переправам. Лишь на правом фланге Преображенский и Семёновский полки, огородившись артиллерийскими повозками, оста-

лись в строю и продолжали сопротивление. К вечеру Карл бросил на два русских полка почти всю шведскую армию. Но герои-гвардейцы, среди груды трупов своих товарищей, стояли непоколебимо и отразили все атаки шведов. Лишь наступившая ночь прекратила бой.

Ночью было заключено перемирие, и оба гвардейские полка отступили в порядке за Нарову. Несмотря на мужество гвардейцев, русская армия потерпела тяжчайшее поражение. Большинство русских полков было рассеяно, вся русская артиллерия досталась шведам. Карл XII ликовал. Он считал, что с Россией покончено, что после нарвского разгрома она уже больше не поднимется. Поэтому он повёл свою армию на Польшу.

Карл ошибся в своих расчётах. Россия быстро восстановила свои силы. Пётр произвёл коренную реформу русской армии. На смену разнородным, плохо обученным войскам Московской Руси создаётся единая регулярная армия по образцу лучших армий Европы, создаётся мощная артиллерия.

Уже в 1702 году, пользуясь тем, что Карл XII со своей армией воюет в Польше. Пётр снова переходит в наступление. В октябре 1702 года взят Нотебург, старинный новгородский Орешек, мощная крепость в истоке Невы. В начале мая 1703 года взята вторая шведская крепость на Неве — Ниеншанц. Берега Невы, а с ними и

часть побережья Финского залива были возвращены Русскому государству.

На первом же освобождённом клочке морского побережья Пётр строит город — первый морской порт и будущую столицу своей империи — Петербург. Для защиты Петербурга с моря на острове Котлин строится Кроншлот, первая морская крепость в нашей стране. На Свирских верфях закладываются первые корабли для русского Балтийского флота.

Уже в 1704 году русская армия снова двинулась в Прибалтику. Перед ней стояла в первую очередь задача — обеспечить безопасность Петербурга со стороны Прибалтики. Для этого надо было взять две ближайших шведских крепости — Дерпт и Нарву.

В начале июня 1704 года войска фельдмаршала Шереметева осадили Дерпт. Вокруг города было поставлено несколько батарей. 18 дней длилась бомбардировка, но без всякого успеха; от перебежчика узнали, что то место городских стен, где был намечен пролом и куда был направлен наиболее интенсивный огонь, имеет такую толщину, что пробить его невозможно.

В начале июля Пётр лично прибыл под Дерпт. Он нашёл, что все организовано плохо, не так, как надо. «Всё негодно и туне людей мучили», — писал Пётр Меншикову из-под Дерпта 4 июля 1704 года.

План осады был совершенно изменён; основной удар был направлен со стороны болота, около реки Эмба, где стена, по словам Петра, «только указу дожидается, куда упасть». За десять дней энергичной осады Пётр добился взятия города.

Целую неделю длилась бомбардировка; в стене было сделано три пролома. Русские переправились через реку и двинулись к проломам. Шведы сделали вылазку; у проломов начался бой, затянувшийся на всю ночь. Утром русские ворвались в башню, господствовавшую над этим участком стен, и готовы были ворваться в город. Тогда комендант приказал дать сигнал к сдаче. Но артиллерийский и ружейный огонь был так силен, что четыре барабанщика, начинавшие бить «шамад», один за другим были убиты. Их заменил трубач. Услышав сигнал сдачи, Шереметев с огромным трудом остановил своих разгорячённых боем солдат. Дертт капитулировал.

«Сей праотечественный град чрез помощь Вышняго и мужеством войск наших возвращен», — писал Пётр об этой победе.

Вскоре после начала осады Дерпта русские войска снова осадили Нарву. На этот раз мощные стены Нарвы не смогли устоять против вновь созданной русской артиллерии. Стена одного из бастионов после 8 дней бомбардировки «от многого метания бомб» обвалилась в ров.

9 августа колонны русских войск двинулись на штурм. Шведские солдаты оборонялись отчаянно; с высоты вала они сбрасывали на русских бочки с камнями, под проломом через подкоп заранее заложили мину и взорвали её во время штурма; но всё было напрасно. Через три четверти часа русские ворвались в город. Нарва с её портом снова оказалась в руках русских.

В следующем, 1705, году Пётр повёл войска за Западную Двину, в Курляндию.¹ Шведские войска после небольшого сопротивления оставили Курляндию и отошли к Риге. Тогда Пётр осадил столицу Курляндии Митаву. Осада Митавы — сильной крепости с 300 орудий — длилась всего семь дней. К середине сентября вся Курляндия была в руках Петра.

После 1705 года военные действия в Прибалтике на несколько лет приостановились. В руках шведов оставалась ещё западная часть страны с Ревелем и Ригой. Основным театром войны на несколько лет стала Польша. В 1708 году, добившись в Польше ряда крупных успехов, Карл XII со своей армией через Украину двинулся на Россию.

Судьба Прибалтики решилась на полях Украины. В 1709 году под Полтавой шведская

---

¹ Область между нижним течением Западной Двины, Рижским заливом и Балтийским морем; ныне — юго-западная часть Латвии.

армия была разгромлена, и её остатки через несколько дней сдались русским войскам. Теперь уже никто не мог помешать России стать твёрдой ногой на берегах Балтийского моря.

Прямо из-под Полтавы фельдмаршал Шереметев повёл войска к Риге. В октябре русские войска уже вошли в пределы Лифляндии, а в конце октября подошли к Риге. В начале ноября сюда прибыл Пётр с артиллерией. Первые три выстрела собственноручно произвёл сам царь. Началась осада Риги.

Берег Двины ниже Риги был занят и укреплен. Осаждённый город оказался отрезанным и от моря.

Осуществив полную блокаду города, русские не стали торопиться с окончанием осады, считая, что участь города предрешена, а штурм столь сильной крепости потребует много крови. Осада длилась 9 месяцев, сопровождалась частыми бомбардировками и обстрелом города. Весной в Риге начался голод и эпидемии. Появилась чума. Видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, 1 июля 1710 года шведский гарнизон капитулировал.

Взятие Риги было крупнейшей победой русской армии. Рига была не только самым большим городом Прибалтики, но и одной из сильнейших крепостей тогдашней Европы. С занятием Риги вся южная Прибалтика оказалась в руках русских. Лифляндское дворянство, спа-

савшееся за стенами Риги от опасностей войны, и рижский городской магистрат присягнули русскому царю.

Вскоре после взятия Риги был осаждён последний оплот шведов в Прибалтике — Ревель. Ревель был перенаселён ещё до осады: в нём, как и в Риге, спасалось от военных невзгод почти всё дворянство страны; сюда же собралось население окрестностей города. Продовольственные затруднения в Ревеле возникли поэтому ещё до начала осады.

В конце августа 1710 года под стенами Ревеля, древней Колывани, в четвёртый раз за его многовековую историю оказались русские войска. Осада города продолжалась меньше месяца. Эстляндские дворяне, видя, что борьба за Прибалтику шведами уже проиграна, отказались участвовать в обороне Ревеля. Дворянство и магистрат, получившие письма от Петра и Меншикова, начали совещаться об условиях сдачи города. Видя безнадёжность дальнейшего сопротивления, шведский губернатор тоже решился на капитуляцию.

Последний оплот шведов в Прибалтике пал. Прибалтика снова вошла в состав Русского государства. Важнейшая задача русской внешней политики, впервые поставленная 150 лет назад, была решена.

Какую же роль в борьбе за Прибалтику во время Северной войны сыграло население стра-

ны, её немецкий господствующий класс и угнетённое эстонское и латышское крестьянство? И до войны и во время войны немецкое дворянство по отношению к России оставалось неизменно враждебным; сказывался старинный, уходящий корнями в глубь веков антагонизм к России и ко всему русскому. В ходе войны немецкие дворяне и немецкие горожане (бюргеры) подчинялись России только тогда, когда их город или местность завоёвывались русскими войсками и оставался только один выбор: или подчиниться, или бежать, бросив всё своё имущество и земли. До этого момента и дворяне и бюргеры верно служили своим шведским хозяевам, служили в шведских войсках, вместе со шведскими гарнизонами отстаивали от русских свои города и т. д. Дворяне и бюргеры западных областей Прибалтики боролись против русских, уже зная на примере ранее завоёванных Нарвы и Дерпта, что русское правительство намерено привлечь их на свою сторону, намерено сохранить их старые права и привилегии. Особенно показательно поведение дерптских бюргеров. При подчинении Дерпта в 1704 году город сохранил своё старинное внутреннее устройство и самоуправление, бюргеры подчинились русской власти. Но в 1708 году обнаружилось, что дерптские бюргеры завели подозрительные сношения с городами, находившимися ещё под властью шведов. Русское пра-

вительство вынуждено было прибегнуть к высылке всех дерптских бюргеров в глубь России на время войны; лишь в 1714 году бюргерам разрешили вернуться.

Иначе было настроено коренное население страны — эстонские и латышские крестьяне. Задавленное многовековым феодальным гнётом, прибалтийское крестьянство давно уже не участвовало в политической жизни страны и отвыкло от самой мысли об активном политическом выступлении. Тем не менее известен ряд фактов, свидетельствующих, что коренное население Прибалтики — эстонцы и латыши сочувственно встретили русские войска и даже помогали им во время военных действий, добровольно доставляя сведения о передвижении шведских сил, о дорогах, о положении внутри занятых ещё шведами городов и местностей. Благодаря помощи эстонских крестьян, например, была одержана крупная победа русских войск на реке Эмбах, предрешившая взятие Дерпта в 1704 году. Эстонские крестьяне сообщили русскому отряду, подошедшему к устью реки Эмбах (впадающей с запада в Чудское озеро), что от Дерпта вниз по реке движется шведская эскадра из 13 речных военных судов. Русский отряд двинулся вверх по течению реки и в 10 верстах от устья неожиданно обрушился на шведскую эскадру. В результате короткого боя вся шведская эскадра с 98 пушками доста-

лась в руки русских, и путь на Дерпт был открыт.

Овладение Прибалтикой, выход Русского государства к Балтийскому морю сыграли огромную роль в жизни нашей страны. С этого момента Россия прочно вошла в семью европейских народов. Быстро стало развиваться народное хозяйство страны; Россия получила передовое, вполне современное государственное устройство. Реорганизованная Петром I русская армия вышла в ряды лучших армий того времени. Овладев Балтийским побережьем, Россия стала морской державой; она создала свой могучий военно-морской флот, в ходе войны добившийся господства на Балтийском море. Новые порты на Балтике способствовали широкому культурному общению Руси со странами Западной Европы, что благоприятствовало развитию русской национальной культуры.

Значение овладения Прибалтикой и берегами Невы лучше всего резюмировал Маркс. По его словам, Пётр «овладел всем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны». ¹

¹ К. Маркс, История секретной дипломатии XVIII века, гл. VI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате Северной войны Прибалтика вошла в состав России и прочно связала свою судьбу с судьбами русского государства.

С перенесением русской столицы на берега Невы Прибалтика сразу приобрела огромное стратегическое значение для России как ближайшие подступы к Петербургу.

Присоединение к России сразу же оказало благотворное влияние на жизнь прибалтийских народов. Эстонский и латвийский народы под русской властью впервые за много столетий получили постоянный мир внутри и на границах страны. Бесконечные внутренние междоусобицы и внешние войны, в течение столетий потрясавшие страну, прекратились. Под могущественной защитой русской державы Прибалтика двести лет не видала иноземных солдат.

Выгоды от соединения с Россией начали особенно широко сказываться в XIX веке, когда Россия вступила на путь капиталистического развития. Начинает интенсивно развиваться сельское хозяйство, перешедшее на производство продуктов на вывоз — в Петроград и за границу. Во второй половине XIX века Прибалтика вместе со всей Россией вступила в полосу промышленного подъёма. В Эстонии и особенно в Латвии строятся фабрики и заводы, прокладываются железные дороги, растут города

и торговые порты. Наличие неисчерпаемых возможностей для сбыта — рынком служила вся необъятная Россия — стимулировало быстрый рост промышленности; возможность пользоваться не только местными, но и общерусскими сырьевыми ресурсами способствовала этому росту. К началу XX века Латвия и Эстония становятся одним из наиболее развитых промышленных районов Российской империи.

Особенно важную роль для русского народного хозяйства стали играть в это время прибалтийские порты — Рига, Либава, Виндава, Ревель. Железные дороги соединили прибалтийские портовые города с областями центральной России, и бурно растущий русский экспорт пошёл в значительной мере через Прибалтику. В зимние месяцы весь вывоз товаров из северной России шёл через латвийские незамерзающие гавани Либавы и Виндавы.

В начале XX века развитие прибалтийской экономики идёт ещё более быстрыми темпами; за 16 лет до первой мировой войны промышленность Латвии выросла в три раза.

Столь бурное экономическое развитие, экономическое процветание Прибалтики в конце XIX и начале XX века было возможно лишь в системе общерусского народнохозяйственного организма. Это сознавали даже некоторые прибалтийские буржуазные националисты. Один из самых ярых латвийских националистов, А. Берг,

незадолго до 1914 года писал: «Нам всеми силами надо стремиться, чтобы мы могли остаться под властью этого большого и сильного государства. В политическом отношении самостоятельная Латвия сделалась бы игрушкой в руках больших воинственных соседних государств, а в экономическом — клочком земли, опоясанным новыми таможенными сетями. Таким образом, экономические и культурные интересы требуют того, чтобы наша промышленность не была оторвана от русских сырьевых баз и исключена из русских рынков».¹

Под мощным воздействием русской культуры в середине XIX века начала широко развиваться национальная культура прибалтийских народов. Начавшийся в первой половине XIX века бурный расцвет русской культуры, связанный с именами Пушкина, Гоголя, Глинки, позднее — с именами Тургенева, Толстого, передвижников и «могучей кучки», повлек за собой развитие культуры всех больших народов России, в том числе и латышского и эстонского народов. На смену существовавшей с XVI столетия церковно-религиозной литературе в Латвии и Эстонии появляется своя светская литература, появляются свои писатели и поэты, формирующиеся

---

¹ Это не помешало А. Бергу после Великой Октябрьской социалистической революции по классовым соображениям стать злейшим врагом советской России.

под большим влиянием русской общественной мысли. Создаётся эстонское и латвийское национальное искусство, музыка и театр. Первые эстонские и латвийские композиторы и музыканты учились в Петербургской консерватории у Римского-Корсакова, Лядова, Глазунова. Первые латвийские и эстонские художники учились в Академии художеств на берегу Невы. Эстонский и латвийский театры создавались под большим влиянием русского реалистического театра.

Народы Прибалтики плечом к плечу с русским народом вели борьбу против царизма. Рабочий класс Латвии и Эстонии был одним из передовых отрядов в общерусском рабочем движении. В 1905 году трудящиеся массы Латвии и Эстонии вместе с пролетариатом и крестьянством России поднялись против царского режима, против прибалтийских помещиков и капиталистов. Запылали немецкие замки и поместья, вся латвийская деревня к концу 1905 года была охвачена восстанием. Вслед за крестьянством и пролетариат городов начал подниматься на вооружённую борьбу. Лишь ценой больших усилий царскому правительству удалось подавить восстание.

В первую мировую войну латыши и эстонцы вместе с русскими войсками отстаивали свою страну от полчищ германского империализма. Латышская молодёжь непризывного возраста

записывалась добровольцами в армию, из добровольцев были сформированы латышские стрелковые батальоны, покрывшие себя неувядаемой славой в боях с немцами зимой 1916/17 года в Тивельских болотах, на Пулемётной горе и на Острове Мёртвых.

В 1917 году трудящиеся массы Латвии и Эстонии участвовали в свержении царизма, в подготовке и проведении великого Октября. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила эстонский и латвийский народы от гнёта русского капитализма и своих, местных помещиков и буржуазии, предоставила им право на самоопределение и создание своей государственности. При помощи и поддержке советского правительства России образуются Эстонская и Латвийская Советские республики. Но они просуществовали недолго. Начавшаяся вскоре германская интервенция привела к захвату немцами Латвии и Эстонии. Латвийские и эстонские воинские части, оставшиеся верными советской власти, отступили в Россию, где они (особенно латышские стрелковые полки) прославились во время гражданской войны, борясь с врагами революции в рядах Красной Армии.

Латвийская и эстонская буржуазия, из боязни потерять свои фабрики, заводы и торговлю смертельно возненавидевшая советскую власть, решает отделить свои страны от советской России и по сговору с германским империализмом

создаёт две «независимые» буржуазные республики — Латвию и Эстонию. Таким путём латвийские и эстонские плутократы рассчитывали полностью прервать вековые связи русского народа с прибалтийскими.

Отделение Латвии и Эстонии от России и превращение их в «самостоятельные» государства быстро привели к тем результатам, которые предсказывал за несколько лет до того А. Берг. В политическом отношении Латвия и Эстония стали игрушкой в руках великих держав. Экономика двух маленьких стран, окружённых таможенными барьерами, оказалась в очень тяжёлом положении. Искусственно отрезанная от русских источников сырья и от огромного русского рынка, промышленность Прибалтики переживала жестокий кризис. К 1929 году промышленность Латвии достигла едва 54% довоенного уровня и продолжала сокращаться. Для развития промышленности не было никаких перспектив: с Советским Союзом прибалтийские правящие круги торговать не хотели, а в ближайших странах Европы и своих товаров было достаточно.

Резко падает торговый оборот прибалтийских портов. Регрессирует даже сельское хозяйство. Тогда как до первой мировой войны латвийское сельское хозяйство стояло на одном из первых мест в России, Латвия с 1924 года начинает ввозить хлеб.

Буржуазные правители Латвии и Эстонии, смертельно ненавидевшие Советский Союз, участвовали во всех антисоветских коалициях и превратили Прибалтику в плацдарм для нападения на СССР. Сознание трудящихся масс систематически отравлялось ложью и клеветой о Советском Союзе. Эстонские и латвийские плутократы стремились этим путём восстановить народные массы против СССР и создать массовую базу для будущей антисоветской войны.

Несмотря на жестокий полицейский террор и разнузданную антирусскую и антисоветскую пропаганду, народы Латвии и Эстонии с надеждой обращали свои взоры к великой соседней стране, ожидая, когда настанет час для воссоединения с братским русским народом. В 1940 году этот час настал. Эстонский и латвийский народы с помощью русского народа сбросили правительства плутократов, лакеев германского империализма, и восстановили у себя советскую власть. Избранные в обстановке полной свободы латвийский Сейм и Государственная дума Эстонии обратились к Верховному Совету СССР с ходатайством о принятии Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. По решению VII сессии Верховного Совета СССР Эстония и Латвия вошли в состав СССР, воссоединились с русским народом и другими народами нашей Родины.

Граница, искусственно отделившая на двадцать два года Прибалтику от Советской страны, была сметена.

Трудящиеся новых республик приступили к социалистическому строительству. Перед латвийским и эстонским народами развернулась перспектива невиданного хозяйственного и культурного подъёма.

Но недолго продолжалась мирная жизнь молодых советских республик. Германский фашизм готовился к нападению на Советский Союз, и в его разбойничьих планах особое место отводилось завоеванию Прибалтики: она должна была послужить плацдармом для продвижения к жизненным центрам Советского Союза и, в первую очередь, к Ленинграду.

В первые же дни войны в Прибалтике развернулись ожесточённые бои. К осени 1941 года Советская Латвия и Эстония были оккупированы немецко-фашистскими войсками.

Для Прибалтики настали самые чёрные дни в её многовековой истории.

«С первых дней оккупации Эстонской Советской Социалистической Республики немцы и их сообщники упразднили государственную самостоятельность эстонского народа, начали вводить «новый порядок», искоренять культуру, искусство и науку, истреблять и угонять на каторжный труд в Германию мирное население, опустошать и грабить города, деревни и хуто-

ра». ¹ Латвийскую СССР после оккупации постигла такая же участь.

В Эстонии и Латвии был установлен режим полного произвола гитлеровских генералов и чиновников. Эстонский и латышский народы были лишены всех политических и экономических прав. Фашистский генеральный комиссар Эстонии Лицман открыто заявил, что «Самостоятельное эстонское государство» *никогда* больше не будет существовать». ² Немцы никогда не могли примириться и «с независимостью латышского народа. Они считали всю Прибалтику, а в особенности Латвию, наследственной вотчиной прусских баронов. Здесь они властвовали много столетий тому назад. Здесь сохранились руины их орденских замков... Фашистские кровавые собаки попытались возродить средневековое господство немецких псов-рыцарей над Латвией». ³

С начала оккупации немецко-фашистские завоеватели стали относиться к эстонскому и латвийскому народам, как к народам «низшей расы», подлежащим уничтожению. «В своей преступной деятельности немецкие захватчики

---

¹ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской Советской Социалистической Республике». «Правда», 26 ноября 1944 г.

² Там же.

³ «Палачам латышского народа не уйти от кары», «Правда», 5 апреля 1945 г., передовая.

руководствовались директивой рейхсфюрера СС Г. Гимmlера не просто колонизировать, а превратить «Восточную территорию» в немецкие области и заселить их немцами». ¹ В качестве государственного языка в Латвии и Эстонии был введён немецкий язык.

Оккупанты покрыли Прибалтику густой сетью тюрем и концлагерей. Непосильный труд, нечеловеческие лишения, систематические побои и истязания приводили к гибели тысяч ни в чём не повинных советских людей, заключённых в концлагери. В концлагерях, особенно при приближении Красной Армии, гитлеровцы проводили массовые расстрелы заключённых. Десятки тысяч мирных советских граждан были расстреляны в концентрационном лагере Клоога, на Таллинском лесном кладбище, в Бикерникском лесу под Ригой и в других местах. Чтобы замести следы преступления, трупы расстрелянных сжигались на кострах, а пепел разбрасывался по полям.

В одной только Латвии, как свидетельствует Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, немецкие душегубы «преднамеренно

---

¹ «Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: «О преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики». «Правда», 5 апреля 1945 г.

истребили 250 тысяч мирных жителей», из них 170 тысяч — в городе Риге.

Фашистские захватчики стремились уничтожить, смести с лица земли национальную культуру прибалтийских народов. Физически уничтожалась лучшая часть эстонской и латвийской интеллигенции. Из библиотек были изъяты книги лучших эстонских и латвийских писателей, произведения классиков мировой литературы, негодных фашистам; костры из книг запылали на площадях прибалтийских городов, не выдавших подобных зрелищ даже в мрачные времена средневековья.

Картины и скульптуры национальных эстонских и латвийских художников и скульпторов были почти полностью вывезены в Германию. Сожжены Национальный музей Эстонии в имении Раади около Тарту, эстонский национальный театр «Ванемуйне» в Тарту, десятки театров, музеев, библиотек, замечательные памятники национальной архитектуры, в том числе знаменитая рижская церковь св. Петра, самое высокое деревянное здание в Европе, составлявшая важнейшую часть архитектурного ансамбля города. Немецкие захватчики стремились уничтожить все следы многовековой истории эстонского и латышского народов.

Оккупанты нанесли огромный ущерб промышленности Латвии и Эстонии. Многие заводы, электростанции, мельницы, элеваторы, мастер-

ские разрушены или повреждены, их оборудование и машины вывезены в Германию или приведены в негодность.

Прибалтийская деревня за время оккупации была совершенно разорена. Крестьяне лишились большей части скота и лошадей; у бедняков и малоземельных была отнята земля, которой их наделила советская власть. Десятки тысяч эстонцев и латышей за годы оккупации были угнаны на каторгу в Германию.

В течение трёх лет немецкий фашизм всеми средствами своей пропаганды отравлял сознание трудящихся Прибалтики, пытаясь возродить их против братского русского народа.

Но ни кровавыми зверствами, ни лживой пропагандой немецким захватчикам не удалось сломить волю эстонского и латышского народов. В Эстонии и Латвии в течение всех трёх лет оккупации ни на один день не прекращалась борьба против немцев. Лучшие сыны Советской Прибалтики сражались в партизанских отрядах и в эстонских и латвийских частях Красной Армии. Партизаны Прибалтики наносили огромный ущерб немецким оккупационным войскам и их коммуникациям; партизанам помогало всё население страны. Угрозы, расправы, расстрелы и концлагери не могли принудить народы Прибалтики к покорности. Чем больше свирепствовали оккупанты, тем чаще взлетали на воздух мосты и военные склады, тем чаще

спускались под откос воинские поезда, тем сильнее было сопротивление народа.

Эстонцы и латыши, сражавшиеся в рядах Красной Армии, стойко боролись плечом к плечу с русскими, украинцами, казаками, башкирами за свободу и независимость своей общей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Десятки эстонцев и латышей, бойцов и офицеров Красной Армии, получили за свои подвиги звание Героя Советского Союза, сотни эстонцев и латышей за храбрость и мужество награждены орденами.

Задавленные немецким гнѐтом, эстонский и латвийский народы ни на минуту не переставали верить в своё освобождение, не переставали ждать Красной Армии. Осенью 1944 года войска Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов, имея в своём составе эстонские и латвийские соединения Красной Армии, разгромили немецкую армейскую группировку в Прибалтике и освободили Эстонию и Латвию от фашистского ига. Над седыми башнями Таллинского замка, над старинными улицами Риги снова — и навсегда — взвились красные знамѐна.

Эстонский и латвийский народы уже залечивают раны, нанесѐнные их странам немецкими оккупантами, и, широко развернув свои богатейшие творческие силы, при братской поддержке великого русского народа, идут вперѐд по пути строительства новой жизни.

Прибалтика в XIV-XIII вв.

прод. 70

заказ № 174

№ 7428

Прибалтика в XIV — XVI вв.

3 руб.

